КОСТЁР

3-4

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ 1945

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

(К 15-летию со дня смерти)

Вероятно, в Советском Союзе не найти такого школьника, который не знал бы стихов Владимира Маяковского. Вспомните: когда вы были совсем маленькими, еще первоклассниками, вам очень нравилось стихотворение Маяковского „Что такое хорошо и что такое плохо".

Когда вы немножко подросли, вы с увлечением заучивали наизусть стихотворение „История Власа—лентяя и лоботряса", про школьника, который не посещал школы, целыми днями бродил по улицам, стал бездельником, с ним никто не хотел иметь дела. Это стихотворение кончалось так:

Помни про школу —
только с ней
Станешь строителем
радостных дней.

Маяковский написал более двенадцати томов всевозможных стихов, поэм, пьес, сценариев. Он начал сочинять стихи юношей, но любовь к стихам проявилась в раннем детстве. Уже в четыре года он знал множество стихов наизусть и хорошо их декламировал. Еще до того, как маленький Володя научился читать, он заучивал со слов своей мамы и старшей сестры стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Восьми лет Володя Маяковский поступил в гимназию. Учился он хорошо, очень много читал, особенно летом, во время каникул. Но не только чтению отдавал он свой досуг. Володя всегда был чем-нибудь занят. Все свои книги он переплетал сам, очень любил выпиливать лобзиком по дереву, много рисовал, собирал коллекцию марок. В летние вечера изучал звездное небо, находя созвездия по астрономической карте.

Десяти лет Володя заинтересовался столярным делом. Дома у них был столярный станок. Маяковский старательно учился на нем работать. Его сестры и товарищи были очень довольны, когда Володя сам сделал крокет с аккуратно обточенными шарами и молотками.

Детство Маяковского прошло на Кавказе, в Грузии. После смерти отца, он вместе с матерью и сестрами переехал в Москву. В то время ему было тринадцать лет. Жить без отца в большом городе было очень трудно. Чтобы помочь семье, Володя разрисовывал игрушки, занимался выжиганием.

В Москве он познакомился со студентами-революционерами. За участие в революционной работе его несколько раз арестовывала царская полиция и заключала в тюрьму. В тюрьме Маяковский впервые начал писать стихи.

С тех пор Маяковский уже никогда не бросал поэтической работы.

Весь свой огромный талант Владимир Маяковский отдал на служение Родине, партии большевиков. Маяковский много раз ездил за границу. Но где бы он ни был, он всегда помнил и гордился тем, что он гражданин своей социалистической отчизны.

Одна из лучших поэм Владимира Маяковского, это поэма, которая называется „Владимир Ильич Ленин". Маяковский часто читал ее на литературных вечерах. Последний раз поэт читал эту поэму 21 января 1930 года, на траурном заседании. В этот день исполнилось шесть лет со дня смерти Ленина. На заседании присутствовал товарищ Сталин. Он аплодировал выступлению Маяковского.

Весь наш народ любит и чтит память Владимира Маяковского. Вот почему товарищ Сталин сказал: „Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи".

П 29
41

КОСТЁР

3—4

МАРТ — АПРЕЛЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" ★ 1945 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

ЧЕТЫРЕ ДРУГА

Мих. Матусовский

**Как в песне, четыре друга
Служили в одном полку.
Немало знавали горя
Они на своем веку.**

**Немало они испытали.
И вот перед ними вдали —
Покрытые мрачным дымом
Границы чужой земли.**

**— Ребята, — сказал водитель,
Склонившись у рычага, —
Нет выше на свете счастья,
Чем выйти к земле врага.**

**— Ребята, — сказал наводчик, —
В бессоннице и во сне
Почти что четыре года
Мечтал я об этом дне.**

**— Я знаю, — добавил третий, —
Маршрут для меня один:
Должны мы на самоходке
Со славой войти в Берлин.**

**С тех пор их видали всюду —
В засадах и у застав,
У взорванных укреплений,
У вражеских переправ.**

**Идут по земле немецкой,
Свой праведный суд творя,
Четыре артиллериста,
Четыре богатыря.**

★

Гос
Публичная
Библиотека

Из воспоминаний о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

Б. Коротков

Рис. В. Бомаш

Автор этих воспоминаний Б. П. Коротков в 1917 и 1918 гг. работал у Владимира Ильича Ленина секретарем по приему делегатов. Ему было тогда всего 15 лет. Владимир Ильич часто брал его с собой на заводы и в казармы, где выступал перед рабочими и солдатами. Иногда Ленин беседовал со своим секретарем о том, как надо работать и жить, чтобы быть честным советским гражданином.

Это на всю жизнь запомнилось Короткову.

И теперь, совместно с писателем Н. Григорьевым, он написал свои воспоминания. Отрывки из этих воспоминаний мы и печатаем.

Рукопожатие

Ленин был очень чуток к людским невзгодам. При этом он умел видеть то, чего не замечали другие. Я помню свою первую встречу с Лениным и до сих пор не могу объяснить себе, как это так случилось, что Ленин среди тысячной толпы, наполнявшей коридоры Смольного, вдруг заметил меня, подростка с пакетом листовок в руках. Это было в первые дни революции. Мне поручили раздать листовки среди солдат, которые не присоединились еще к восставшим войскам. Я был неопытен в таком трудном деле и робел. Ленин сразу заметил, что мне надо помочь советом, разъяснением, добрым напутственным словом... Это внимание показалось мне тогда чудесным. Но вскоре я увидел, что Ленин всегда такой.

Моя мать поступила уборщицей в столовую Совнаркома. И в первый же день, сама того не зная, она оказалась собеседницей Ленина. Вот ее рассказ.

„Подметаю, говорит, я пол, да что-то худо мне стало. Оперлась руками о щетку, думаю — постою, отдохну, и голову на руки приклонила. Только чувствую кто-то за плечо меня трогает и тихо так, ласково спрашивает: „Что, товарищ, трудно?“ Я подняла голову и взглянула в лицо этому человеку. А лицо простое, доброе, человек с таким лицом не кинет слово попусту. Гляжу я на него, и легче мне стало, и радостней.

Между прочим, вижу, костюм на нем плохонький. Значит, нужда с нуждой сошлись—о чем же нам разговоры заводить? Стою, молчу. А он говорит: „Да, трудное время переживаем, но ничего, как-нибудь перетерпим! А скажите, говорит, нравится вам, товарищ, нынешняя власть?“. Что мне ему ответить? „Все равно, говорю, какая власть, только бы жилось полегче“.

А он как рассмеется на это, да звонко-звонко. Глядя на него, я и сама засмеялась: веселый человек, ему и нужда нипочем“.

У моей матери, разумеется, и в мыслях не было, что это Ленин. Потом она долго смущалась при встрече с Владимиром Ильичом, считая, что обидела его своим ответом.

А вот еще случай. Была у нас в Кремле машинистка Виноградова, скромная и старательная женщина. Владимир Ильич очень ценил ее аккуратную работу и, обычно, давал ей перепечатывать свои статьи.

Как-то вечером Владимир Ильич попросил Виноградову с машинкой к себе в кабинет. Была, видно, очень срочная работа. Виноградова села перепечатывать готовые страницы рукописи, а Владимир Ильич тут же, за столом, читал и правил остальные.

Вдруг, пробежав глазами одну из перепечатанных на машинке страниц, Владимир Ильич отложил перо и посмотрел на машинистку. Виноградова смутилась.

— Владимир Ильич, дайте сюда эту страницу. Я что-нибудь напутала?

— Вы сколько сегодня работаете? — не отвечая на ее вопрос, спросил Ленин.

Машинистка замялась. Оказалось, что в течение дня, помимо своей работы, она помогала еще прихворнувшей подруге.

Ленин встал:

— Вы очень утомлены, товарищ Виноградова. Идите домой и сразу же ложитесь спать.

Машинистка изумленно посмотрела на Ленина.

— А как же работа? Ведь вам срочно, Владимир Ильич! — И она решительно заявила, что не уйдет, пока не перепечатает статью. Возник спор. В конце концов Владимир Ильич убедил уставшую женщину прилечь тут же, в кабинете, на диване. Виноградова легла и сразу же заснула.

Ленин собрал листки рукописи, вышел на цыпочках из кабинета и всю рукопись переписал набело от руки.

Ленин был очень приветлив, и ему доставляло удовольствие первым поздороваться.

Я не сразу привык к этому. Случалось, не заметишь, когда выйдет Ленин в приемную или, озабоченный чем-нибудь, разминешься с ним в коридоре, — и вдруг тебя остановит приветливый голос: „Здравствуйте, товарищ Коротков!“

Смутишься при этих словах: тебе-то, товарищу Короткову, и всего-то пятнадцать лет! — а Владимир Ильич, улыбаясь, запросто протягивает руку: „Здравствуйте!“ И тут же скажет два-три слова совсем о постороннем, давая минутку, чтобы ты мог оправиться от смущения.

В одну из таких встреч я рассказал товарищу Ленину о том, что произошло со мной, когда я работал в банке. Управляющий банком входил в распахнутые швейцаром двери, все ему кланялись, а он шел мимо и никого не замечал. Я был курьером и как-то при встрече, невзначай, не поклонился управляющему, а протянул ему руку. Он резко отвернулся и даже испугался. В тот же день меня из банка выгнали.

Владимир Ильич очень смеялся моему рассказу, а потом сказал:

— Эти господа, буржуа и капиталисты, не считали за людей тех, без кого они и сами не могли существовать. Мы же строим отношения совсем иначе. Ответственный партийный или советский работник обязан быть скромным, простым и доступным для каждого. Бюрократ, волокитчик, не может быть слугой народа.

Я не видел, когда Владимир Ильич обедал, когда отдыхал. Дни проходили в работе. Дверь приемной почти не закрывалась. К Ленину можно было придти и в 8 утра и в 11 вечера, заходили к нему и ночью. В любой час суток Ленин оказывался на ногах. Его галстук был всегда тщательно завязан, и скромный костюм никогда не был помят. Казалось, Ленин не знал усталости. Приходишь утром на работу, а он уже толкует с людьми. Заглянешь в кабинет во время ночного дежурства, Владимир Ильич сидит, накинув пальто на плечи, — и читает, просматривает книги или пишет, пишет, пишет. Если же кабинет пуст, значит, Ленин на заседании Совнаркома.

Это был тяжелый 18-й год. Мы все тогда недоедали. Пайки в Смольном были очень скудные. И мне пришло в голову, что Владимир Ильич, при своей беспрерывной и напряженной работе, должен испытывать недостаток питания острее, чем каждый из нас.

Как помочь Владимиру Ильичу? Я долго ломал себе над этим голову. И вот неожиданно представился удобный случай.

Как раз приехал на побывку мой брат, моряк Балтийского флота. Встретились мы. Разговорились, и я рассказал ему, что меня заботит.

— Да знаешь что? — сразу нашелся брат, — у меня с собой три белых буханки, можно Ленину подарить!

Сказано-сделано. В тот же день я привел брата к Ленину. Владимир Ильич дружески встретил моряка, усадил его, забросал вопросами.

Брат стал рассказывать про жизнь на Балтике. Ленин был таким внимательным собеседником, что рассказчик увлекся и забыл про подарок.

Пришло время уходить. Владимир Ильич протягивает брату на прощанье руку, а у того руки свертком заняты. Смутился брат, перекидывает сверток с руки на руку; он и подарок не решается вручить Ленину, и прощаться — не прощается.

Я поспешил брату на выручку.

— Владимир Ильич,—говорю я,—тут подарок...

— Да, да,—подхватил брат и развернул сверток тут же на столе,—белый хлеб, самый флотский!

— Действительно, флотский!—согласился Владимир Ильич, осматривая буханки.—Дети будут очень рады такому хлебу.

А брат разъясняет:

— Нет, это вам, товарищ Ленин, это вам лично!

— Что-о?—протянул Владимир Ильич с удивленным видом,—это мне?—И тут же засмеялся и стал шутить:—Но в честь чего же мне подарок? Я не именинник, и у меня не день рождения. Благодарю вас за внимание, но если вы хотите сделать хорошее дело,—передайте этот хлеб детям, в рабочую столовую.

Брат пытался настаивать на своем. Тогда Владимир Ильич принял хлеб, поблагодарил, но сказал на прощанье:

— Вам еще больше будут благодарны дети рабочих.

— Товарищ Коротков,—сказал Владимир Ильич после ухода брата,—отнесите этот хлеб в ближайшую столовую и сами проследите за его раздачей.

Как радовались детишки, когда я рассказал им, откуда этот хлеб!

— Подарок от Ленина! Подарок от дедушки Ленина!

Появился клочок бумаги, карандаши, и ребята написали благодарность Ленину.

Катание на санях

Самым любимым развлечением кремлевской молодежи было катание на больших ломовых санях. От Спасских ворот идет крутой спуск, который столь же круто заворачивает в Тайницкую аллею. Здесь мы и собирались по воскресеньям большой компанией.

В один из таких воскресных дней я зашел за своим товарищем Яшей Джугашвили, и мы пошли за санями. Желающих покататься сзывать не приходилось.

Началось катанье. Всей гурьбой мы валились на дровни, двое-трое сталкивали их с места, и—пошла! Грохот полозьев, взвизгивание, ветер, снежная пыль в лицо...

Мчимся так, и вдруг на самом повороте—человек... Сшибем сейчас! Все в один голос ахнули. Успели только разглядеть, что это Ленин...

В последнее мгновенье лицо Ленина мелькнуло где-то сбоку, возле дерева, и сани с шумом въехали в аллею.

Притихшие, мы возвращались с санями. Владимир Ильич поджидал нас около дерева, за которое он успел укрыться. Мы поравнялись с Лениным. Стоим. Молчим.

Владимир Ильич громко рассмеялся.

— Как вы отчаянно катаетесь! Я смотрел вам вслед и прямо страшно стало: вдруг налетите на какое-нибудь дерево! Долго ли расшибиться!

— Товарищ Ленин,—говорим,—а мы испугались за вас. Ведь чуть-чуть вас не сбили...

Но Владимир Ильич стал возражать.

— Нет, вы решительно не при чем. Тут моя собственная оплошность. Я шел, не учитывая опасности. Ведь по следам видно, что с горы катаются!

Владимир Ильич стал осматривать сани.

— А, скажите, хорошо здесь кататься? Несет, а? Здорово?

Ответ раздался веселый галдеж.

— А мне, как вы думаете, можно с вами покататься?

Это предложение было встречено шумным одобрением, и катание возобновилось. Никогда, вероятно, Спасская гора не видела такого шума и веселья. Владимир Ильич таскал с нами сани, шутил, смеялся. И звонкий смех его был так заразителен, что мы все хохотали до упаду.

Владимиру Ильичу очень понравилось катанье гурьбой на дровнях. Пять раз прокатился он с нами. Потом поблагодарил и пошел домой.

И сразу все почувствовали, что на Спасской горе пусто и скучно. Мы съехали с горы еще два раза и разошлись по домам.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Марина Капица ученица V кл. 89-ой школы Петроградского р-на

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТЕТЕ АНЕ

Началось все в Москве. Я была в гостях у своей подруги Муси. Там было еще несколько девочек и мальчиков, и мы стали загадывать друг другу загадки. Но загадки были все легкие, и разгадать их было нетрудно. Тогда Муся сказала: „Ответьте мне, что каждый из вас больше всего любит и чего бы ему больше всего хотелось".

Сели в кружок. Муся начала спрашивать всех по очереди. Про маму, папу и всех родных решили не упоминать, потому что про любовь к ним все знают. И вот оказалось, что никто не знает что ответить. Одна только девочка с самого начала сказала определенно, что она больше всего на свете любит кататься на коньках, и больше всего на свете хочет быть чемпионом мира.

Было уже поздно, и все стали расходиться. По правде говоря, я была очень рада, что очередь до меня не дошла, так как и я терялась, что сказать.

На другой день в школе, на большой перемене, мы с Мусей рассказали о нашей игре, и все девочки наперебой стали говорить, что они больше всего любят. На следующем уроке многие были даже не так внимательны, как всегда, и писали друг другу записочки. Но это было только в начале урока. А потом все стали внимательно слушать. Это был урок географии.

Наша учительница Ольга Михайловна рассказывала про степи, какие они широкие, просторные, бесконечные, говорила, какие могучие реки пересекают эти степи — Волга, Дон, Днепр, говорила про битвы Красной Армии с фашистами, про подвиги бойцов. А уже перед самым звонком сказала: „Вот на юге у нас степи, в центральной части — леса, на севере — тундра. А на востоке и на самом юге — горы. Это все — наша Родина. Повторите к следующему уроку границы нашего Союза. Их надо знать хорошо. Нам надо знать, что принадлежит нашей Родине. Ведь самое дорогое для нас — Родина".

Вечером я учила границы СССР и долго рассматривала карту. Но названия границ, которые надо было запомнить наизусть, у меня путались, и я часто ошибалась. Особенно на немой карте. И граница у меня передвигалась: то я захвачу кусок Монгольской республики, то отрежу кусок от наших владений и присоединю их к Китаю. И названия все такие трудные, незнакомые...

В это время раздался салют. Я подбежала к окну. Огромное пространство над Москвой освещалось разноцветными огнями, это было так красиво. „Это от имени Родины салютуют доблестным войскам, совершающим замечательные подвиги, — думала я, — то-есть от всей Родины. И от того маленького кусочка, который все время по ошибке попадал у меня в Китай. Его тоже надо знать". Но я совсем плохо себе представляла этот кусочек не на карте, а на самом деле. И совсем не чувствовала, что он та же Родина, вот как, например, Москва или даже такие города, в которых я никогда не была, но которые знаю по наслышке. А потом мне пришло в голову, что может быть, какая-нибудь школьница, живущая там, на границе с Китаем, учит северную границу нашего Союза с Финляндией, не может запомнить названий местностей около моего Ленинграда и думает: не все ли равно, — принадлежат Териоки Финляндии или нам?

Как бы убедительно ответила я ей, что это совсем не все равно.

Вечером, уже в постели (я очень люблю думать, лежа в постели) я думала о том, что же такое Родина? К разным местам Родины относишься неодинаково и любишь их по разному, а многих мест и совсем не знаешь. Ведь Родина не только один какой-нибудь город, но и еще что-то. Что ж это? Как это определить?

Я попробовала заговорить об этом с девочками в классе, но они ничего не сказали мне толкового. Одни смеялись, говоря, что всякий это знает.

Другие показывали на карту. Третьи говорили, что Родина — это Родина, и у каждого человека она есть. Вот и все.

Мама моя в это время была уже в Ленинграде, и я задала ей тот же вопрос в письме. Она ответила мне, что „Родина это то, без чего человек не может жить, что является для него своим, с чем он сросся с самого детства".

Мусе дома говорили, что наша родина красивая, богатая, большая. Но ведь любишь ее не за богатства и не за величину?

Один случай помог мне разобраться в этом вопросе.

Мы собирали в школе подарки для бойцов. Я перевязывала пакетики, а другие девочки относили их в комсомольскую комнату и сдавали школьной комиссии. Когда моя работа была окончена, я побежала посмотреть, сколько подарков собрано со всей школы.

Подарков было принесено очень много. Большинство пакетов было сложено на полу, и сверху лежала записочка: „Второй Прибалтийский фронт". Другая кучка была приготовлена на столе. На ней было написано „Бойцам Сталинграда". Под окном, на кресле, также лежали пакеты. „Это на Белорусский фронт", — сказала пионервожатая. Я осмотрела всю комнату и не нашла надписи: „На Ленинградский фронт".

Когда я попробовала выяснить это у одной из старших девочек, она сказала мне: „Да не все ли равно — мы посылаем подарки бойцам на фронт. И все бойцы нам одинаково дороги, и каждый фронт одинаково важен".

Мне хотелось ей сказать: „Ленинградский фронт защищает наш Ленинград, самый хороший город в мире".

Но я смутилась и не сумела этого выразить, а десятиклассницы засмеялись и сказали нам: „Ну, четвертый класс, пошли! Мы запирать будем комнату".

Я поехала домой. Было у меня такое чувство, как будто я не сумела защитить то, в чем была уверена, постоять за то, что мне дорого. И я решила, во чтобы то ни стало, послать что-нибудь на Ленинградский фронт. Надо было придумать, что послать. Денег у меня не было, интересных вещей тоже.

Когда я подходила к дому, я вспомнила, что за все эти три месяца я в первый раз, возвращаясь из школы, не думала о том, ждет ли меня дома от мамы письмо.

Ничто в мире мне не было так дорого, как письмо. И тут вдруг меня осенила мысль: а ведь и бойцам на фронте, должно быть, самое дорогое — письмо. Не кисет с табаком, не тетрадка. Даже не плитка шоколада, а письмо. Правда, письмо от близкого человека, а не от какой-то незнакомой девочки. Значит, мне надо суметь так написать, чтобы они почувствовали, как я их люблю, как я благодарна им, как я преклоняюсь перед ними.

Сумею ли я только написать, сумею ли я выразить то, что чувствую? Я решила: попробую. Заготовлю к завтрашнему дню много, много писем. Напишу бойцам о том, что я всегда, всю жизнь буду безмерно благодарна им за то, что они спасли Ленинград.

Мне не хотелось никому говорить, что я надумала, даже моей тете, и я решила писать письма ночью.

Когда в доме все стихло и все разошлись, я зажгла свет и села за стол. Писать было ужасно трудно, слова как будто не мои, какие-то чужие... Тогда я решила писать так, как будто знаю того бойца, которому пишу. У меня был дядя Володя, я его очень любила. Он погиб на фронте. И я себе представила, что пишу ему. Писать мне сразу стало легче. И письмо мне понравилось. Потом я представила себе, что пишу Борису Курочкину, мальчику-девятикласснику, из нашей ленинградской школы, он пошел на фронт добровольцем и погиб, защищая Ленинград.

Я ясно представила себе много, много бойцов, которых я видела всюду, а главное — там, в Ленинграде. Я вспомнила одного бойца, — его я видела в декабре сорок первого года. Мы шли с мамой по Мичуринской улице с ведром воды с Невы. У мамы скрючились пальцы от холода, и она не могла нести ведра и не могла разжать пальцы. Она поставила ведро в сугроб, согнулась и так и осталась; я присела на корточки и начала разжимать ей пальцы. Но у меня пальцы также плохо двигались от холода, и поэтому ничего не получалось. И так я вдруг устала, что села на снег и не могла даже пошевелиться. Тут к нам подошел какой-то военный. Я запомнила его на всю жизнь; у него была борода и очки. Очки он снял и стал на них дуть и протирать варежкой, но они не оттаивали. Тогда он сунул их в карман даже без футляра. (Я думаю, они разбились у него). Он разжал мамину руку, взял ведро и донес до угла Мичуринской и Малой Посадской. На углу он чуточку постоял и пошел к Кировскому проспекту. Теперь я представила себе, что пишу письмо именно ему. И так стало легко писать, что рука не успевала записывать все, что я хотела сказать. Я написала восемнадцать писем. Мне хотелось написать непременно двадцать, но я незаметно для себя, заснула, сидя за столом. Меня разбудил большой пес моего дяди — Джек. Он уткнулся носом в мои колени. Я быстро погасила свет и залезла под одеяло. Но не успела я даже согреться, как пришли меня будить.

В школе я рассказала Мусе про письма. В большую перемену мы отнесли их в школьную комиссию по сбору подарков для бойцов — для отправки на Ленинградский фронт.

После конца занятий мы с Мусей, как всегда, пошли вместе домой. Почти весь длинный путь мы прошли пешком и все время разговаривали. И я сказала Мусе: „Я знаю, что такое Родина.

Когда я говорю „Родина" — я вижу перед собою Ленинград. Я знаю, что Родина — это не только Ленинград, это гораздо больше. Но для меня Родина начинается в Ленинграде".

Муся—москвичка. Мне не хотелось ее обижать. Я знаю, что Москва тоже очень хорошая, и я ее тоже очень люблю, но я все старалась объяснить Мусе, что Ленинград — мой город, я крепко-крепко с ним связана, и он очень дорог мне. Ведь там я в первый раз одна пошла по улице, там на елке мне подарили большого слона, о котором я давно мечтала. Там я в первый раз пошла в школу. Там я часто ходила со своей сестрой вечером по набережной, около Кировского моста. Там умерли и моя бабушка, и папа, и няня. Там их могилы. У меня с каждой улицей связано какое-нибудь воспоминание.

Я рассказала Мусе, что особенно дорог мне стал Ленинград за те месяцы блокады, которые я провела в нем.

Мы еще долго говорили о том, что такое Родина. Я поняла в эту минуту как-то особенно ясно, что мама была права, когда написала мне: Родина — это то, с чем человек сросся с самого детства и без чего он не может жить.

Мы решили с Мусей, что когда мы вырастем, мы будем много, много путешествовать и изучать Родину, так что будем всё, всё представлять себе. Даже тот маленький кусочек на юго-востоке, который в тот вечер, когда я учила границы нашей Родины, все время попадал у меня в Китай, за границу.

Две девочки-сестрички

С. Погореловский

Рис. Н. Петровой

Две девочки-сестрички,
Задорные косички,
На лыжах, через ельник,
Ходили в пятый класс.
Ни в стужу, ни в метели
На печке не сидели,
И белку и лисицу
Встречали много раз.

И мне прислали чье-то
Загадочное фото:
Какие-то зверюшки,
Похожи на зайчат...
Ушанки, рукавички...
Да это же сестрички!
А где же их косички? —
Да вот они торчат!

И так в письме писали:
„Живем мы на Урале.
Тут горы — выше дома,
Раздолье нам зимой!
И летом тут не худо:
Грибы, орехи — всюду...
Хорош Урал!
А все же
Так хочется домой!

Признаться, мы вначале
Уж было заскучали,
Да некогда скучать-то!
Ты тоже не скучай,
Побьют врага — приедем.
Пиши. Поклон соседям!"

И вскоре телеграмму
Приносят мне:
„Встречай".

— А, здравствуйте, сестрички!
Как выросли косички!
Обнять своих дочурок
Я очень, очень рад!..

Две девочки-сестрички
Щебечут точно птички,
Глядят в окно трамвая
На город Ленинград.

Глядят — не наглядятся
На милых ленинградцев,
На мост, на пароходы,
На Смольный, на Неву...
И прыгают косички,
И счастливы сестрички,
Что это им не снится,
Что это — наяву!

23 февраля умер Алексей Николаевич Толстой. Это был замечательный писатель нашего времени.

О чем только не рассказывал он в своих книгах? О прошлом и настоящем, о простых, скромных людях и о великих деятелях нашей страны, о научных открытиях и авантюрных приключениях. Толстой увлекательно изображал важнейшие события нашей истории и фантастический мир далеких планет.

Лучшие книги А. Толстого—„Хождение по мукам", „Петр Первый" и „Хлеб" — замечательные художественные памятники нашей литературы.

Среди огромного литературного наследства А. Толстого есть книги, написанные специально для детей. Это „Русские народные сказки", которые обработал А. Толстой; „Детство Никиты" — повесть о мальчике, „Золотой ключик", два научно-фантастических романа: „Аэлита" и „Гиперболоид инженера Гарина".

Эти книги и романы должен прочесть и знать каждый советский школьник.

Здесь мы даем небольшой отрывок из сказочной повести А. Толстого „Золотой ключик".

★

ПРИКЛЮЧЕНИЕ БУРАТИНО

(Отрывок из книги А. Толстого „Золотой ключик")

Рис. Н. Муратова

Рано утром Буратино пересчитал деньги, — золотых монет было столько, сколько пальцев на руке, — пять. Зажав золотые в кулаке, он вприпрыжку побежал домой и напевал:

— Куплю папе Карло новую куртку, куплю много маковых треугольничков, леденцовых петухов на палочках.

Когда из глаз скрылся балаган Кукольного театра и развевающиеся флаги, он увидел двух нищих, уныло бредущих по пыльной дороге, — лису Алису, ковыляющую на трех лапах и слепого кота Базилио.

Буратино хотел пройти мимо, но лиса Алиса сказала ему умильно:

— Здравствуй, добренький Буратино. Куда так спешишь?

— Домой, к папе Карло.

Лиса вздохнула еще умильнее:

— Уж не знаю, застанешь ли ты в живых бедного Карло, он совсем плох от голода и холода...

— А ты это видела? — Буратино разжал кулак и показал пять золотых.

Увидев деньги, лиса невольно потянулась к ним лапой, а кот вдруг широко раскрыл слепые глаза и они сверкнули у него, как два зеленых фонаря.

Но Буратино ничего этого не заметил.

— Добренький, хорошенький Буратино, что же ты будешь делать с этими деньгами?

— Куплю куртку для папы Карло... Куплю новую азбуку...

— Азбуку, ох, ох, — сказала лиса Алиса, качая головой, — не доведет тебя до добра это ученье... Вот я училась, училась, а гляди — хожу на трех лапах.

— Азбуку, — проворчал кот Базилио и сердито фыркнул в усы. — Через это проклятое ученье я глаз лишился...

На сухой ветке около дороги сидела пожилая ворона. Слушала, слушала и крикнула:

— Врут, врут!..

Кот Базилио сейчас же высоко подскочил, лапой сшиб ворону с ветки, выдрал ей полхвоста, — едва она улетела. И опять представился — будто он слепой.

— Вы за что так ее, кот Базилио? — удивленно спросил Буратино.

— Глаза-то слепые, — ответил кот, — показалось — это собачонка на дереве...

Пошли они втроем по пыльной дороге Лиса сказала:

— Умненький, благоразумненький Буратино, хотел бы ты, чтобы у тебя денег стало в десять раз больше?

— Конечно, хочу! А как это делается?

— Проще простого. Пойдем с нами.

— Куда?

— В Страну Дураков.

Буратино немного подумал.

— Нет, уж я, пожалуй, домой пойду.

— Пожалуйста, мы тебя за веревку не тянем, — сказала лиса, — тем хуже для тебя.

— Ты сам себе враг, — проворчал кот.

— А то бы твои пять золотых превратились в кучу денег...

Буратино остановился, разинул рот...

— Врешь!

Лиса села на хвост, облизнулась:

— Я тебе сейчас объясню. В Стране Дураков есть волшебное поле, — называется Поле Чудес... На этом поле выкопай ямку, скажи три раза: „Крекс, фекс, пекс", положи в ямку золотой, засыпь землей, сверху посыпь солью, полей хорошенько и иди спать. Наутро из ямки вырастет небольшое деревцо, на нем вместо листьев будут висеть золотые монеты. Понятно?

Буратино даже подпрыгнул.

— Врешь!

— Идем, Базилио, — обиженно свернув нос, сказала лиса, — нам не верят — и не надо...

— Нет, нет, — закричал Буратино, — верю, верю!.. Идемте скорее в Страну Дураков!..

Хозяин выскочил навстречу гостям, сорвал с плешивой головы шапочку и низко кланялся, прося зайти.

— Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой, — сказала лиса.

— Хоть коркой хлеба угостили бы, — повторил кот.

Зашли в харчевню, сели около очага, где на вертелах и сковородках жарилась всякая всячина. Лиса поминутно облизывалась, кот Базилио положил лапы на стол, усатую морду — на лапы, — уставился на пищу.

— Эй, хозяин, — важно сказал Буратино, — дайте нам три корочки хлеба...

Хозяин едва не упал навзничь от удивления, что такие почтенные гости так мало спрашивают.

— Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин, — захихикала лиса.

— Он шутит, — буркнул кот.

— Дайте три корочки хлеба и к ним — вон того чудно зажаренного барашка, — сказала лиса, — и еще того гусенка, да парочку голубей на вертеле, да, пожалуй, еще печеночки...

— Шесть штук самых жирных карасей, — приказал кот, — и мелкой рыбы сырой на закуску.

Короче говоря, они взяли все, что было на очаге, для Буратино осталась одна корочка хлеба. Лиса Алиса и кот Базилио съели все вместе с костями.

— Отдохнем часок, — сказала лиса, — а ровно в полночь выйдем. Не забудьте нас разбудить, хозяин...

Лиса и кот завалились на двух мягких кроватях, захрапели и засвистели. Буратино прикорнул в углу, на собачьей подстилке...

Ему снилось деревцо с золотыми листьями... Только он протянул руку...

— Эй, синьор Буратино, пора, уже полночь...

В дверь стучали. Буратино вскочил, протер глаза. На кровати — ни кота, ни лисы — пусто.

Хозяин объяснил ему:

— Ваши почтенные друзья изволили раньше подняться, подкрепились и ушли...

— Мне ничего не велели передать?

— Очень даже велели, — чтобы вы, синьор Буратино, не теряя минуты, бежали по дороге к лесу...

Буратино кинулся к двери, но хозяин стал на пороге, прищурился, руки упер в бока.

— А за ужин кто будет платить?

— Ой, — пискнул Буратино, — сколько?

— Ровно один золотой...

Буратино сейчас же хотел прошмыгнуть мимо его ног, но хозяин схватил вертел, — щетинистые усы, даже волосы над ушами у него встали дыбом.

— Плати, негодяй, или я проткну тебя, как жука!

Пришлось заплатить один золотой из пяти. Пошмыгивая от огорчения, Буратино покинул проклятую харчевню.

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О ПИСЬМЕ Д-РА КОСТРОВА

Письмо к пионерам

Я, друзья мои, не педагог, не режиссер и не затейник. Я — хирург. Из детского возраста я вышел в те времена, когда нынешний Ленинградский Дворец Пионеров был еще царским дворцом, следовательно, я пионером быть не мог. А между тем, я был им. Сейчас вы поймете в чем дело. Деревня, в которой я подолгу жил, лежала на берегу большого озера. Мы, мальчишки, открыли на этом озере необитаемый остров и построили на нем хижину, завели кроликов, кур, собаку и кошку. Будь нас двое, мы назвались бы Робинзоном и Пятницей, но нас было шестеро, а назваться как-то надо было.

Незадолго перед тем, я прочел книгу об американских пионерах — первых поселенцах. Меня пленило суровое мужество этих людей, их упорство, изобретательность, и мы решили, что будем называться пионерами.

Так играли мы в „пионеров" два лета, а на третье — нашелся хозяин нашего острова, и нас прогнали.

Я не могу равнодушно относиться и к жизни нынешних пионеров, она интересует меня. Недавно, когда один мой юный друг пригласил меня на сбор своего отряда, я с радостью принял его приглашение.

Сбор начался с пионерской линейки. Тридцать пять мальчиков в красных галстуках, четко, по военному, построились перед юной девушкой, старшей пионервожатой дружины, и начальник штаба отряда — мой приятель — звонко отрапортовал о готовности отряда начать сбор, посвященный детям-героям.

Начало мне понравилось. Растроганный, я уже думал как, в каких выражениях поблагодарить ребят за интересный вечер. Но я поторопился. После окончания сбора мне пришлось высказаться очень сурово. Сбор мне не понравился, совсем не понравился. Он был скучный, казенный. Я так прямо и сказал. А ребята мои не очень обиделись. Они признались, что так часто бывает, и что сами они скучают.

Я почувствовал, что ребята склонны винить в этом свою вожатую, и встал на ее защиту.

Ни один человек, будь он семи пядей во лбу, не может постоянно занимать, развлекать такое большое общество великовозрастных ребят. А ведь пионерский сбор — это не просто развлечение.

Меня попросили помочь советом. И вот что я посоветовал: пусть к следующему сбору пионеры подготовятся сами. А пионервожатая проведет линейку и сядет в первый ряд как почетный зритель. И я приду тоже. А уж дело самих ребят устроить так, чтобы мы не скучали.

Вот и все, что я посоветовал. Предложение было рискованное, но я не ошибся в своих молодых друзьях.

Через две недели состоялся сбор и прошел очень живо, все были довольны. На этот раз мальчики взяли темой для сбора „лес". Был прочитан интересный доклад о пользе леса. Я услышал прекрасные стихи Никитина и Некрасова. Была устроена выставка, стены зала были украшены картинами, изображающими лес. Словом, ребята проявили инициативу — расшевелились. И вот тогда мне самому захотелось дать несколько советов о том, как увлекательно и с пользой проводить сборы.

Помню, мы когда-то увлекались живыми картинами. Это тот же театр со сценой, декорациями, костюмами. Но в настоящем спектакле его участники должны выразительно двигаться и говорить (что не всем удается), а живые картины ни того, ни другого не требуют.

Допустим, вы проводите сбор, посвященный Александру Невскому. Почему бы не поставить на этом сборе живую картину, как князь Александр в битве на Неве проник в самую гущу шведов, к королевскому знамени-штандарту. В страхе пятятся от него дружинники Биргера. Знаменосец выпустил шведский штандарт из рук, его уже подхватили русские воины.

Пусть кто-нибудь тут же, во время картины, толково расскажет о том событии, которое только-что было показано. Другой может прочитать, например, отрывок из поэмы Симонова „Ледовое побоище".

Такие живые картины можно поставить почти на любую тему. Предположим, ваш

сбор посвящен великому русскому поэту А. С. Пушкину. Сколько здесь возможностей для живой картины: лицеист Пушкин читает свои стихи перед Державиным, или Пушкин в цыганском таборе, или Пущин в гостях у Пушкина, в Михайловском. При постановке можно воспользоваться известными картинами Репина, Ге, Наумова. Очень интересны темы: „Борьба за науку". Здесь можно поставить суд над Галилеем, казнь Джордано Бруно и т. д. Или можно посвятить сбор какому-нибудь знаменитому русскому путешественнику, например, Миклухе-Маклаю или Папанину и тут же поставить живые картины: „Миклуха-Маклай среди дикарей" или „Папанинцы на льдине". Материал вы без труда разыщете сами.

Попробуйте провести сбор иначе. Устройте вечер рассказов или отрывков из художественной литературы, посвященных, например, теме „дружба".

Много прекрасных художественных произведений о дружбе дает нам литература. Начать хотя бы с древнегреческих мифов о Касторе и Поллуксе, об Оресте и Пиладе, об Ахиллесе и Патрокле; или дружба Николеньки и Нехлюдова из повести „Детство, отрочество и юность" Л. Толстого; или дружба Иванова и Тёмы в „Гимназистах" Гарина; или дружба Пети и Гаврика из повести Катаева „Белеет парус одинокий"; или клятва на Воробьевых горах Огарева и Герцена в „Былом и Думах" А. Герцена. Но только нужно помнить, что когда вы готовите отрывок для чтения, прежде нужно очень внимательно прочесть все произведение, а потом, выбрав отрывки, интересующие вас, соединить их в один, оставляя все основное, главное, что служит раскрытию замысла.

Сокращать толково и со вкусом можно, а вот прибавлять от себя слова нельзя.

Занимаясь такой работой, обязательно посоветуйтесь с вашим учителем литературы. Пусть он проверит, как вы подготовили отрывки или монтаж. Попробуйте, например, подготовить отрывок из повести „Тарас Бульба" — речь Тараса к запорожцам. Эти замечательные слова Гоголя волнуют нас так, будто они написаны о наших днях.

Можно еще по другому провести сбор: посвятить его теме „Как бы ты поступил в этом случае?".

Выберите какой-нибудь яркий, сильный рассказ или главу из романа, где поступок героя может показаться спорным, и обсудите его.

Ну, скажем, гибель Жильята — из „Тружеников моря" Гюго или преступление Говена из „93-го года" его же, или гибель Андрия из „Тараса Бульбы". Пусть участники сбора выскажут свое мнение — правильно ли поступил герой произведения, и подумают о том, что бы сделали они сами на месте этих героев. Сообща вы, наверное, найдете правильное решение.

После такого серьезного сбора вам, конечно, захочется подвигаться, повеселиться. Тут полный простор вашей инициативе, чувству юмора, изобретательности.

В наше время очень оживленно проходила игра в шарады. Вы знаете, как разыгрывают в лицах шарады? Находят подходящее слово, скажем „До-клад" и обе части его — „до" и „клад", а затем целое „доклад" разыгрываются, как самостоятельные сценки.

Летом посвятите один из ваших сборов у ярко горящего костра замечательной теме — „Огонь". Переплетая рассказ с игрой, сказку с былью, вы сообщите друг другу много любопытного.

Начните с такого представления: вокруг костра сидят пещерные люди. Они веселы, довольны, охота прошла удачно. На костре жарится мясо только что убитого оленя. Молодежь пляшет у костра дикий охотничий танец. С соседнего дерева, скрываясь в его ветвях, смотрит на пирующих человек из другого племени. Когда утомленные охотники засыпают, чужой человек крадется к костру. Его манят огонь, тепло и свет. Он хватает уголь, но обжегшись, бросает. Всматривается в горящие сучья, затем хватает ветку и сует в огонь. Ветка загорелась, и ликующий дикарь убегает с ней. Он несет огонь своему племени...

Теперь один из ребят встает и читает отрывок из мифа о Прометее, который, по преданию древних, дал людям огонь.

Но это миф, легенда, а как же на самом деле добывали огонь древние? Что дал человеку огонь?

Обо всем этом можно сделать большой и хороший доклад. Здесь, у костра, гораздо интересней ответить на каждый вопрос небольшим увлекательным рассказом или крохотной сценкой. Кто-нибудь может показать как добывали огонь трением, или с помощью кремня и огнива, как сигнализируют с помощью огня.

Среди участников сбора найдутся ребята, которым приходилось тушить зажигательные бомбы, сброшенные фашистами — они могут рассказать, как они боролись с пожарами.

Материала очень много и, при желании, ни один из участников сбора не останется без дела.

Закончите ваш вечер огня шествием с факелами. Лесом или полем, вдоль реки или мимо озера понесете вы огонь вашего пионерского костра в лагерь.

Я кончаю свое затянувшееся письмо. Рад, если мог быть вам полезным.

Любящий Вас д-р Костров

Еще в 1929 году в Ленинградском Зоосаде начал работать кружок юных натуралистов — любителей животных и птиц. Во время блокады кружок прекратил свое существование. В прошлом году ленинградские школьники опять пришли в Зоосад заниматься в кружке. Они получили для воспитания молодых лисят, енотов, медвежат.

Светлана Шейнина из 70-ой школы Петроградского района ведет запись своих наблюдений над лисятами-белодушками. Вот отрывки из ее дневника.

„В начале июля 1944 года ожила долго пустовавшая клетка для пушных зверей. Туда посадили четырех лисят-белодушек. Лисята были одного выводка. Их привезли в Зоосад красноармейцы Ленфронта. Они поймали их где-то в лесу за Лугой. Маленькие зверьки, покрытые пушистой рыжевато-серой шерсткой, с большими хвостами, на первый взгляд казались совсем одинаковыми. Но уже через несколько часов я стала различать их. У каждого лисенка был свой характер. Особенно выделялся своей смелостью и ловкостью самый крупный лисенок. Его назвали Мурлик. Мурлик быстро привык к своей кличке. С людьми он был общителен и ласков, но очень ревниво охранял свое первенство среди лисят. Он ел всегда первый...“

„14/VII 1944 г. Придя в Зоосад, я увидела в клетке лисят нового (уже седьмого) лисенка. Лисенок весело прыгал и чувствовал себя как дома. Я назвала его Джулькой. Джулька даже заигрывала с Мурликом — другие лисята никогда на это не решались.

Как только принесли пищу, Джулька немедленно сунулась в миску к Мурлику. Остальные лисята, по обыкновению, стояли в стороне, выжидая когда их вожак кончит есть.

Мурлик заворчал, но не отогнал Джульку. Тем самым он признал ее равной.

„1/VIII 1944 г. Мурлик перестал быть вожаком над лисятами. Эту роль отвоевала Джулька. Мурлик раздражителен и кусается. Он реже подходит к людям. Зато Джулька совсем ручная.“

6/VIII 1944 г. С третьего августа Мария Мечеславовна, наша руководительница, начала брать Джульку для выездов со „зверинцем на колесах“. Этот маленький зверинец разъезжает по школам и детским садам.

Когда Ленинград был осажден, то часто можно было видеть как по утрам из ворот Зоосада выезжает повозка, заставленная клетками. В клетках сидели: обезьянка Иночка, белый попугай ару и кролики. Три небольших собаки — Милочка, Монча и Мишка размещались между клетками. Эти дрессированные собаки показывали в школах забавные представления. Обучала их Тамара Семеновна Рукавишникова. Остальные звери были неученые, но зрителям они доставляли много радости. Тогда в Ленинграде не было даже обыкновенных кошек, а тут вдруг живая обезьянка!

Лошадь по кличке „Мальчик“ возит зверинец. Она очень старая. Ей уже пошел тридцать первый год.

Лисенок Джулька ведет себя во время поездок очень хорошо. Она спокойно дает рассматривать себя ребятам. Когда ребята ее угощают, она не хватает за пальцы, не царапается и не кусается“.

„10/VIII 1944 г. Я приучаю Джульку к ошейнику и цепочке. Вожу ее по территории Зоосада. Стоит мне подойти к клетке, как Джулька, радостно визжа и виляя хвостом, бежит ко мне“.

„14/VIII 1944 г. Джулька ходит на поводке не хуже собаки. Она оказалась понятливой ученицей по дрессировке. В два занятия научилась ходить по барьеру и прыгать в высоту и в длину.

Я начинаю обучать ее прыгать сквозь обруч.“

Теперь Джулька — постоянный участник во всех выездах „зверинца на колесах“. Юннаты Зоосада воспитывают и трех медвежат: Тапу, Машку и Митю. Весной их можно будет увидеть на площадке молодняка.

В кружке занимается около тридцати человек. Каждый участник кружка получает задание и ведет запись своих наблюдений над животными. Ребята читают доклады и рефераты. Своими силами они отремонтировали помещение для кружка, пострадавшее при обстрелах.

Е. Боронина

Зеленые цепочки

Г. Матвеев *Рис. М. Таранова*

АДСКАЯ МАШИНА[1]

Когда шофер ввалился в дом, там все спали. Впустившая его старуха — жена хозяина, ворча поставила на стул ночник и ушла за перегородку.

В комнате, около стола, спал на пышной перине однорукий.

Шофер потряс его за плечо.

— Что такое? — спросил он, поднимаясь и засовывая руку под подушку.

— Это я, Петр Иванович, Семен, — шопотом сказал шофер, присаживаясь на край перины.

Узнав Семена, инвалид снова лег.

— Ну, зачем пожаловал?

— Неприятности, Петр Иванович... — И шофер торопливо рассказал как он обнаружил в машине мальчика, как тот прикинулся „своим", а потом, вместо того, чтобы лечь спать, куда-то исчез.

— Почему же ты решил, что он „свой"?

— Он же мне, Петр Иванович, пароль сказал, все как полагается — спросил время и насчет покурить. Я думал, что вы ему объяснили, когда он письмо носил.

— Причем тут письмо! Я его не знаю и ничего не говорил.

— Может быть, Воронов ему сказал? — предположил шофер.

— Воронов не станет первому встречному мальчишке доверять. Тут что-то другое. И письмо Воронова совсем бессмысленное, — рассуждал шопотом однорукий. — Ведь не случайно полоска на окне оказалась сорванной...

— Может быть, тот человек как-нибудь сообщил... искал подходящих людей, — высказал шофер догадку.

— Чушь! Тот человек был в городе всего два дня. Он сейчас далеко за фронтом и войдет в Ленинград вместе с немецкой армией. С какой стати ему связываться с мальчишками. Это ты, наверное, что-нибудь напутал.

— Да что вы, Петр Иванович! Не такое время, чтобы путать. Я же понимаю, что малейшая оплошность и конец...

Догадки и предположения шпионов прервал сильный стук в дверь. Оба вскочили и с тревогой переглянулись.

Однорукий, осторожно ступая, чтобы не скрипнула половица, вышел в сени. Он прильнул глазом к щели почтового ящика, специально для этого устроенного. В темноте он разглядел гостей: трех мужчин.

Все стало ясно опытному шпиону: побег загадочного мальчика, и полоска на окне Воронова, и его странное письмо. Однорукий вернулся в комнату и, плотно закрыв за собой дверь, громко сказал:

— Вставайте! Облава! Одевайтесь!

Стук повторился. Зажгли свет, и все обитатели дома, на ходу одеваясь, собрались вместе. Их оказалось пять человек: хозяин дома, обрусевший немец, его жена, сын и двое гостей — шофер и однорукий. Мужчины хмуро смотрели на однорукого, пока он надевал сапоги. Снова раздался настойчивый стук.

— Идите, Матильда Вильгельмовна, — приказал однорукий, — спросите кто там, и скажите, что мужа дома нет.

Старуха послушно направилась в сени.

— Кто там?

— Откройте, гражданка... как вас, Матильда Вильгельмовна.

— Кто вы такой?

— Неужели по голосу не узнали? Участковый инспектор.

— Приходите лучше утром. Мужа дома нет...

— Откройте. Важное дело.

— Я разбужу сына, пускай он вам открывает. Подождите несколько минут.

Когда старуха вернулась в комнату, однорукий был уже одет. Все осматривали пистолеты.

— Собирайтесь. Нужно уходить.

— Я никуда не пойду, — твердо заявила старуха.

Шпион прищурился и посмотрел на нее долгим холодным взглядом, но спорить не стал.

— Ваше дело, Матильда Вильгельмовна, а мы уйдем, пока время есть. Дверь не открывайте. Пускай ломают, — распоряжался однорукий.

Гуськом, с одноруким во главе, мужчины направились в сени. Они осторожно спустились во двор, открыли двери хлева, где стояла корова и несколько овец. Отсюда, через узкое окно хлева, можно было пролезть в огород и выйти на соседнюю глухую улицу.

— Карл, а где у тебя спрятаны те чемоданы? — тихо спросил однорукий.

— Под полом, между бочек. Взять их?

— Нет. Пускай остаются. Я с Семеном вернусь на несколько минут в дом. А вы выньте раму из окна. Только не шумите.

Шпион с шофером вернулись в дом. На кухне, около плиты, они откинули тяжелую крышку погреба и с лампой-ночником спустились в подпол.

---

[1] Начало см. в „Костре" №№ 1 и 2.

Здесь лежали мешки с картошкой, овощи, на полках стояли банки всевозможной величины, на земляном утрамбованном полу — бочки с квашеной капустой. Между бочками они сразу нашли три коричневых одинаковых чемодана.

Шофер помог своему начальнику вытащить чемоданы на средину подвала. Потом однорукий достал черные карманные, с золотым ободком, часы и внимательно взглянул на шофера.

— Сейчас четыре часа. Пока будут стучать, пока сломают дверь, — пройдет полчаса. Затем начнется обыск... Значит, полчаса достаточно. Поставим стрелки на пять часов. — С этими словами однорукий приподнял выступ на ободке часов и перевел его на пять часов. Затем осторожно открыл чемодан. В сером пакете сверху было круглое углубление, как раз для часов, закрытое планкой. Шпион осторожно отвел планку, вложил часы циферблатом вниз в это углубление и снова перевел планку. Она закрыла и прижала часы.

— В пять часов к этому дому подходить не рекомендуется, — усмехнувшись, сказал он. — Что делать? Приходится расходовать материалы не по назначению. Но куда спрятать остальные чемоданы? Разве в картошку?

Оба принялись разгребать картошку. Когда яма оказалась достаточно глубокой, однорукий поставил в нее два чемодана.

— Не много ли, Петр Иванович? — с тревогой спросил шофер.

— Ничего. Ставь, ставь... И смелей засыпай, не бойся. От сотрясения не взорвется.

В это время над головой раздался глухой стук.

— Что вы там нашли? — спросила старуха, заглядывая через открытый люк в подпол.

— Не нашли, а спрятали клад, Матильда Вильгельмовна. Вернемся, — половину вам отдадим, — сказал однорукий.

— Опять стучат!

— Пусть стучат! Пойдите, Матильда Вильгельмовна, успокойте их, а мы уйдем.

Старуха ушла. Однорукий и шофер вылезли из подпола и отправились в хлев.

— Я не могу вас пустить, — сердито говорила старуха через двери стоявшим на крыльце. — Приходите утром, когда будет светло.

Участковый настаивал.

— У меня срочное дело. Откройте, или придется сломать дверь.

— Тогда я буду кричать...

— Кричите! Вот упрямая старуха!...

— Я не желаю больше разговаривать с грубияном, — сказала старая немка и ушла в дом.

В это время грянули выстрелы где-то сзади дома, и раздался крик.

— Вот они куда направились, — спокойно сказал майор, стоявший на крыльце дома колониста.

— Товарищ майор, разрешите, я побегу туда, — попросился Бураков и спрыгнул с крыльца.

— Стрелять в ноги! — крикнул ему вдогонку майор. — Ломайте быстрее дверь!

Дверь затрещала под напором двух красноармейцев, но не открылась.

Снова за домом затрещали частые выстрелы автомата и в ответ ему — одиночные, из пистолетов. Майор оставил красноармейцев и быстро пошел в переулок к месту перестрелки.

АРЕСТ ШПИОНА

Автомобиль майора был спрятан во дворе дома, где жила Валя. Сама она сидела на скамейке у ворот и разговаривала с водителем машины. Выстрелы заставили Валю вскочить с места. Потом послышались удары, скрип и треск сломанной

двери. Из переулка медленно вышли люди. Впереди шел Бураков, освещая дорогу.

— Валя, вы здесь? Надо перевязочку сделать. Нельзя ли у вас в доме?

— Конечно, конечно. Идите.

Валя торопливо ушла в дом, зажгла свет, сбросила свой полушубок и принялась приготовлять бинты.

Топая тяжелыми сапогами, в комнату с шумом вошло несколько человек, щурясь от яркого света.

Бураков бросил на стол индивидуальные пакеты, и Валя быстро принялась перевязывать легко раненого в плечо красноармейца. С шофером пришлось повозиться: кровь из раны долго не удавалось унять.

— Сколько мы вам хлопот доставили,—заметил Бураков,

— Не говорите глупостей, — возмутилась она.— Что еще надо? Может быть, чаю согреть?..

— Ничего не надо. Сейчас мы уедем.

Валя взглянула на задержанных — они стояли в углу, около печки. Двоих она знала: старика-немца с сыном, а третьего — однорукого—видела в первый раз. Немцы стояли неподвижно, понурив головы. Однорукий крутил пуговицу, независимо поглядывая по сторонам.

— Вы хотели отправить меня в милицию, а получилось хуже, — пробасил раненый шофер.

— Сейчас мы с тобой в санаторий поедем, Семен, — отозвался однорукий.

— Прекратите разговоры, — перебил его Бураков и, обращаясь к красноармейцам, приказал: — отведите его в машину.

Однорукий, в сопровождении сержанта и двух красноармейцев, направился к двери. За ними вышел Бураков.

Майор стоял около машины со старухой-немкой, одетой в шубу. К ним приближался конвой с однорукими.

— Кажется, Петр Иванович, — сказал майор, осветив фонариком шпиона.

— Да. Скоро мы поедем? — спросил однорукий.

— Скоро, — ответил майор и, повернувшись к конвою, вполголоса сказал:

— Осмотрите дом внимательней, а я пройду к раненому.

Майор повернулся и прошел в дом.

— Здравствуйте... Валя, кажется? — приветливо сказал он, входя в комнату. — Вы, наверное, на нас сердитесь?

— Нет, что вы!

— Больно?—спросил майор, усаживая поднявшегося бойца.

— Нет, это царапина.

Майор уже направился к раненому шоферу, лежавшему на диване, когда в комнату, громыхая коваными сапогами, вбежал красноармеец. Майор, взглянув на запыхавшегося бойца, сейчас же перевел взгляд на арестованных. Немцы стояли, безразличные ко всему, а шофер с напряжением ждал, что скажет посыльный. Но посланный только переминался с ноги на ногу и смущенно молчал.

— Я скоро вернусь, — сказал майор Буракову, направляясь к выходу.

— Торопись, начальник, не то опоздаешь, — злобно крикнул ему вдогонку шофер.

— Что случилось?—спросил майор посыльного, когда они вышли за ворота.

— Сержант за вами послал, говорит, срочно нужны. Он в подвале.

В доме колониста, оцепленном красноармейцами, шел обыск. Чекисты перетряхивали тряпки, листали книги, осматривали все щели, переставляли мебель.

Майор спустился через люк в подвал и застал сержанта за странным занятием. Он стоял на коленях около бочки с капустой и выслушивал ее, как врач больного.

— Часы... Слушайте, товарищ майор,—коротко сказал сержант.

Майор наклонился к бочке и, затаив дыхание, прислушался

— Слышу.

— Тикают где-то, а где — понять не могу.

Они стали переходить с места на место, поминутно останавливаясь и прислушиваясь.

— Здесь. Где-то здесь,—сказал, наконец, майор, наклоняясь к мешкам с картошкой.

— Точно! Тут! — обрадовался сержант.—В картошке закопали!

Начали разгребать картошку и сразу обнаружили три тяжелых коричневых чемодана. В одном из них тикали часы. Майор осторожно открыл чемодан. В нем лежал сверток, завернутый в плотную серую бумагу. Поверх пакета — часы.

— Этот багаж я давно ищу! — заметил майор и стал внимательно осматривать часы — не привязаны ли они ниткой или проволокой. Потом приподнял их слегка и, наконец, вынул.

— Хорошие часики! — простодушно заметил сержант.

— Да. Не найди ты этих часиков—в пять часов весь домик взлетел бы на воздух.

— Бомба, товарищ майор? — спросил сержант.

— Да, это „адская машина". И приготовлена она была для нас. Двадцать минут нас отделяло от смерти.

Майор на миг задумался. Потом сказал сержанту своим обычным, спокойным тоном:

— Сержант, никому ни слова об адской машине. Приведите сюда арестованного однорукого, а сами встанете у дверей снаружи. Остальных бойцов на всякий случай расставьте у окон дома.

ПЯТЬ ЧАСОВ

Майор не рассчитывал, что однорукий скоро сознается. И, готовясь к напряженной борьбе, майор решил испробовать план, только что созревший в его уме.

Сержант ввел однорукого и, сделав знак конвоирам, вышел вместе с ними.

— Садитесь, Петр Иванович, — предложил майор.

— Почему вы нас не отправляете? — нетерпеливо спросил однорукий.

— Отправлю, как только придет санитарная машина для раненых. А пока есть время, поговорим.

— Который сейчас час?

— Без четверти пять, — сказал майор, взглянув на свои часы.

Однорукий, криво усмехаясь, сел.

— Я не буду отвечать здесь, — сказал он. — Везите в тюрьму, там и поговорим.

— Чего вы так в тюрьму торопитесь? Успеете.

— Боюсь, что опоздаю... Сколько сейчас времени?

— Без двенадцати пять.

Шпион слегка побледнел.

— Вы, кажется, волнуетесь, — заметил майор. — Руки у вас дрожат, Петр Иванович.

Шпион, покачиваясь на стуле, задумался. Драгоценные минуты уходили бесполезно, неожиданно он встрепенулся.

— Что вы хотите узнать? — спросил он.

— Система вашей работы — раз, ваши соучастники — два, ваши задания, кроме ракет, — три...

— Сколько времени?

— Без восьми минут пять часов.

Однорукий залпом осушил стакан воды. Бледный, с подергивающимся лицом, он сказал:

— Если я расскажу все, вам не удастся воспользоваться моими показаниями. Мы проиграли оба. Итак — система? Наша система — это круги. Я прибыл в Ленинград и окружаю себя людьми: Семен, эти немцы, хозяева дома...

— Воронов с племянником, — подсказал майор.

— Уже известно вам! Да, Воронов.

— Еще?

— Записывайте, гражданин следователь. Фрост из Промкоопчаса, Шварцер из Петрорайгужа, — перечислял однорукий фамилии предателей, их адреса и приметы.

Он спешил, как понял майор, чтобы заглушить трусливое чувство ожидания взрыва.

— Записывайте скорей. Это мой круг. Эти люди общаются со мной и больше никого не знают. Друг с другом они тоже почти не знакомы. Кроме меня есть в Ленинграде другие круги, там другие люди, но я о них ничего не знаю.

— Кто же руководит вами?

— Его здесь нет. Он за линией фронта и придет сюда вместе с германской армией.

— Как вас снабжают?

— Самолетом.

— Где он сбрасывает груз?

Шпион назвал место.

— Есть определенный день?

— Мы вызываем самолет по радио.

— Где находится приемник?

— У Семена, на чердаке. Там же спрятаны боеприпасы. Что вы еще хотите знать? Что я сам убил мою собственную дочь? Что я пытал людей?

— Об этом мы поговорим в другой раз. Кроме ракет „зеленые цепочки" какие у вас еще были задания?

— Вы и о зеленых цепочках знаете?

— Отвечайте!..

— Да, были. Литейный мост мы взорвем в день штурма. Мы собираем военные сведения и по радио передаем в штаб разведки. Составляем списки... Вам хочется иметь шифр. Да? Он у Рейхерта, в почтовом отделении, и спрятан в несгораемом шкафу вместе с советскими документами.

— Зачем вы убили вашего сообщника у Сиверской?

— Это вам тоже известно? Ненадежен. Неудачно завербован, трусил. Мог выдать нас.

— Кто тот человек в военной форме, которому вы передали чемодан на Ситном рынке?

— Э, да вы и впрямь кое-что знаете. Это сын того немца.

— Все, что вы сказали, правда?

— Да, сегодня первый раз в жизни я говорю правду.

— Вы порядком облегчили мне работу.

— Она вам ни к чему. Остались секунды. Скажите, сколько времени?

Майор посмотрел на осунувшееся лицо врага и, взглянув на часы, громко сказал:

— Сейчас ровно пять минут шестого.

— Чушь! У вас часы спешат.

— Проверим! — невозмутимо сказал майор, и вынув из кармана другие часы, протянул их однорукому. — Убедитесь: пять минут шестого.

Шпион посмотрел на часы и перевел растерянный взгляд на следователя.

— Это мои часы? — спросил он.

— Да. Я нашел их в картошке.

Опустив голову, однорукий замолчал, прерывисто дыша. Затем медленно поднялся и, покачнувшись, ухватился за спинку стула. Секунда, и вдруг стул оказался над головой майора. Готовый к любой неожиданности, майор отпрянул. Стул, ударившись об пол, разлетелся на куски.

Майор направил револьвер на однорукого.

Сержант и два красноармейца поспешили на помощь своему начальнику. Однорукий бился в каком то остервенении, выкрикивая непонятные слова.

— Держите крепче. Это припадок, — спокойно сказал майор, пряча пистолет в кобуру.

Однорукий корчился еще несколько минут, а затем, обессиленный, затих.

Когда автомобиль майора и машина с арестованными уехали, Бураков на минуту забежал на квартиру к Вале.

— Валя, я зашел поблагодарить вас, — сказал он, присаживаясь на стул.—Большое вам спасибо...

— К чему благодарность, — перебила она. — Мы ведь живем в городе-фронте. Скажите, эти люди, которых сейчас взяли, очень опасные?

— Да, Вот, например, этот однорукий мог бы натворить бед, пожалуй, не меньше, чем эскадрилья Юнкерсов.

— Какая у вас интересная работа, — сказала Валя, — и опасная.

Бураков усмехнулся, вспомнив себя в первые дни работы.

— Опасная? Да. Интересная? Как и всякая другая, если к ней относиться добросовестно.

СПАСЕНИЕ

Поздно ночью, на подмогу команде МПВО пришли моряки и дружно принялись за работу, не обращая внимания на зенитную стрельбу, на сыпавшиеся кругом осколки. Под утро они добрались до стенки подвала и взялись за ломы. К рассвету в фундаменте появилось уже отверстие.

— Полундра!

Это слово услышали засыпанные в подвале. Надежда на скорое спасение вдохнула новые силы.

— Краснофлотцы!—крикнул Степка.—Нас моряки откапывают!

Некоторое время люди прислушивались к голосам и ударам в стенку.

За ночь воды в подвале стало больше. Она заливала теперь помост, и люди стояли по колено в холодной воде, держась друг за друга. Дышать с каждым часом становилось трудней.

— Держитесь, держитесь! — подбадривал мужчина измученных и слабых. — Балтийцы выручат!

В этот миг в воду упали камни, и через боковую стенку подвала пробился ослепительный луч дневного света.

— Есть! — Крикнул кто-то за стеной.

— Полундра! Отходи в сторону.

В ответ вырвался радостный крик засыпанных.

Отверстие расширялось с каждой минутой. Наконец, в пролом просунулась чья-то голова, заслонив свет.

— Живые есть?

— Да, да... живые, товарищи... Тут много воды, — ответил за всех мужчина.

— Вода? Это по нашей части. А сколько воды-то?

— Да мне по грудь будет...

— Сейчас сообразим что-нибудь...

Моряк исчез, и снова в подвал ворвался дневной свет. Через несколько минут в отверстии показались ноги, потом туловище и голова. Моряк спускался в подвал. Нащупав ногами пол, он пошел по воде к помосту. И вот, наконец, он на помосте. Объятия, слезы, слова благодарности...

В подвал тотчас спустились еще трое моряков и начали вытаскивать потерпевших.

Степка выбрался одним из первых. Щурясь от яркого дневного света, он смотрел на стоявших кругом людей.

— Эй, доктор, принимай мальчонку! — крикнул моряк, помогавший Степке выбираться из пролома.

Женщина в белом халате поверх пальто, затормошила Степку.

— Ранен? Что болит?

— Все в порядке,—ответил улыбаясь Степка.— Холодно только.

Кто-то накинул ему на плечи пальто, а женщина сунула в руку кружку с горячим кофе. Степка с наслаждением глотнул кофе и обжег рот.

— Пойдем, я тебя провожу, — предложила девушка в ватнике.

Предложение девушки вернуло Степку к мысли о доме, о друзьях, о вчерашнем вечере. Ракетчица находилась еще в подвале и, возможно, была жива. Необходимо выяснить, кто она такая и где живет.

— Нет, я подожду. Там в подвале у меня тетенька знакомая. Мы вместе пойдем,—сказал Степка девушке в ватнике и полез на груды кирпичей, где стояли люди.

Вот вытащили старика, подхватили под руки и повели к машине. Потом женщину, за ней другую, третью, но ракетчицы между ними не было. Степка начал волноваться. Неужели утонула? Вспомнил Степка и человека, который в подвале помогал пострадавшим. Наверное, он жив и появится последним.

Прошел час. Машины скорой помощи увезли уже около тридцати человек. Степка потерял всякую надежду найти тех, кого поджидал, но все-таки не уходил. Наконец, моряки, перекликаясь, стали вытаскивать трех женщин, потерявших сознание. Среди них Степка увидел ракетчицу. Он сразу вернул пальто женщине и, пошатываясь от слабости, пошел следом за носилками, к машине скорой помощи.

Ты что?—остановил Степку врач.

— Тут моя знакомая. Куда ее повезут?

— В больницу Эрисмана. Знаешь?

— Знаю. А меня пустят?

— Ну, конечно, пустят.

Дверцу машины захлопнули, и машина двинулась. Только когда где-то далеко, в конце улицы, взвизгнула сирена скорой помощи, Степка спохватился: ведь он не знает ни имени, ни фамилии ракетчицы. Но было уже поздно.

— Ты еще здесь, молодой друг? — услышал он сзади себя знакомый голос. — Вот твой фонарик. Он тебе еще пригодится. Только, надеюсь, не так... Пойдем ко мне, будем лечиться: выпьем горяченького, нам ванну затопят, мы прогреемся и выспимся. Как тебе нравится такой план? Пойдем. Ты молодец! Не хныкал.

Польщенный похвалой, Степка согласился пойти в гости к новому другу.

— А как вас зовут? — спросил Степка.

— Николай Васильевич. А тебя?

— Степка.

— Ну, а по отчеству?

— Григорьевич. Панфилов.

— Степан Григорьевич. Так. Скажи, ты давно выбрался из подвала, Степан Григорьевич. Чего ты ждал?

— Я вас ждал, Николай Васильевич.

— Меня?—удивился мужчина.—Почему? Уж не фонарик ли ты ждал?

— Нет. Фонарик мне не нужен. Возьмите, если надо.

— Фонарик ты сохрани. Он исторический будет. Потом вспомнишь эту ночку...

...Вместе с Николаем Васильевичем жили его мать и сестра. Женщины еще спали, когда раздался звонок.

— Ну, мама, встречай гостей. Мы чудом остались живы! — Николай Васильевич коротко рассказал, где они пробыли всю ночь, и женщины захлопотали. Минут через пять уже топилась ванна, а Степка с Николаем Васильевичем, облачив-

шись в теплые пушистые халаты, уселись завтракать.

Перед ними на столе стояли: графин водки, кусок нарезанного шпика, хлеб и какие-то лепешки.

— Степан Григорьевич, — сказал Николай Васильевич, наливая водку в рюмку. — Это тебе как лекарство, от простуды и ревматизма. Пей смело.

Степка залпом выпил рюмку, как это делал его отец. В то же мгновение он вскочил со стула и в ужасе замахал руками: дыхание перехватило, а из глаз сами собой закапали слезы.

— Ничего, — смеясь, сказал Николай Васильевич. — Не опасно.

Минуты через две Степка почувствовал, как по всему телу разливается теплота, и глаза закрываются сами собой. Слова Николая Васильевича доносились глухо, словно из другой комнаты.

— Николай Васильевич, а вы где-нибудь работаете? — заплетающимся языком спросил Степка.

— Я, милый мой, механиком работаю на большом судне. Подожди, вот кончится война, возьму тебя к себе, и пойдем колесить по земному шару. Ты бы хотел стать моряком?

— Нет... Я лучше летчиком буду... Хотя меня и отговаривают... А вот Мишка хочет в моряки пойти...

— Какой Мишка?

— Мишка Алексеев... Я его к вам приведу...

— Приведи. Если он вроде тебя — возьму...

— Он лучше, чем я. Он у нас главный начальник...—Степка замолчал, сообразив, что выбалтывает секрет.

— Давай, давай... мне сейчас ученики будут нужны. Пока воюем, новые кадры вырастим. А теперь, шагом марш, в ванную!

Мишка сидел на лавочке, закутанный в громадный тулуп, рядом с дежурным, на улице. Они помирились после того, как Мишка извинился перед стариком. Добрый дед принес из дома теплый тулуп, когда увидел, что мальчик и милиционер, с ним пришедший, не собираются уходить.

Мишка одним ухом слушал старика, думая о своем, когда увидел выходившего из переулка Буракова с тремя красноармейцами. Мишка выскользнул из тулупа и, не дослушав старика, побежал навстречу.

— Товарищ Бураков, все в порядке. Он дома сидит, никуда не ушел. Я сам дежурил.

— Здравствуй, Мишка! Про кого ты говоришь?

— А про этого... про Семена, шофера. Знаете?

— Знаю. Только ты, дружок, ошибаешься. Шофер твой ушел из дома, и полчаса назад мы его увезли. Вот жена его дома сидит, это верно.

Озадаченный таким ответом, Мишка привел Буракова к забору, где поджидал их лейтенант милиции. Потом они постучали в дом. Жена шофера открыла дверь и, увидев милицию, обомлела.

Во время обыска она неподвижно сидела на табуретке, около печки, придерживая собаку за ошейник, и на все вопросы отвечала:

— Я ничего не знаю.

Бураков с красноармейцами начали обыск. Вскоре они нашли на чердаке радио-станцию, смонтированную в двух чемоданах, ружье, пакеты с взрывчаткой...

К вечеру весь „круг однорукого" находился под надежной охраной. Радио-передатчик, шифр, чемоданы с ракетами и адскими машинами, оружие — все вещественные доказательства были в руках следствия. Арестованные сознавались быстро — слишком очевидны были улики.

Дело подходило к концу, и майор мог позволить себе отдохнуть, повидать родных. Он набрал номер телефона.

— Алло! Это кто? Мама... Собираюсь к вам приехать и даже переночевать. Николай дома? Спит? Почему? Хорошо, потом расскажешь.

БОРЬБА ПРЕДСТОИТ ЕЩЕ ДОЛГАЯ

Проснулся Степка на мягком диване, рано утром, и долго не мог сообразить, как он попал в эту незнакомую, хорошо обставленную комнату. На стуле около дивана он увидел аккуратно сложенную одежду и сначала не признал ее. Выстиранная, выглаженная, она совсем не походила на ту, что он снял вчера. Сам он спал в пушистом халате. Последнее, что осталось у него в памяти — это горячая ванна, в которой он заснул.

В квартире стояла тишина. Сквозь шторы пробивалась полоса дневного света. Степка решил, что времени еще немного и он успеет засветло вернуться домой и застать мать. Скрипнула дверь, и на пороге показался улыбающийся, чисто выбритый, в форменном кителе и домашних туфлях Николай Васильевич.

— Ну что, проснулся, Степан Григорьевич?

— Проснулся, — потянувшись, сказал Степка и спустил босые ноги с дивана.

Его новый друг, шлепая туфлями по полу, подошел к окну и распахнул шторы.

— Ты бы еще поспал, для ровного счета, денек.

— Надо домой. Наверно уж поздно.

— Ты хочешь сказать — рано.

Степка внимательно посмотрел на механика, стараясь угадать, шутит он или говорит серьезно, но это было невозможно.

— Который теперь час? — спросил Степка.

— Скоро восемь.

— Как это, восемь? — недоверчиво сказал Степка, покосившись на окно. — В восемь часов темно как ночью.

Вместо ответа, механик вынул часы и показал их мальчику. Стрелка показывала без десяти минут восемь.

— Ты, кажется, утро с вечером спутал. Знаешь ли, милый мой, сколько ты спал? Сутки. Да, ровно сутки — от утра до утра. Я тоже не отставал... Одевайся, и пойдем чай пить. Это моя старушка твою одежду привела в порядок.

Степка принялся за туалет, а Николай Васильевич уселся с папиросой в кресле напротив.

— Сколько же ты во сне немецких шпионов-ракетчиков поймал? — неожиданно спросил он.

— Я не знаю, про что вы говорите, — сказал Степка, сильно покраснев. — Какие шпионы-ракетчики?

— Не отпирайся! Я теперь все знаю... Сам во сне кричал: Ловите их! Ловите шпионов!

— Ну, вот, — отнекивался Степка. — Это наверно вам приснились какие-то шпионы. Я никогда во сне не кричу.

— Одного только не могу понять... Как это ты вместо того, чтобы ракетчиков ловить, в подвал попал. А ведь за это время твой приятель Мишка, действительно, поймал настоящего шпиона.

Степка не верил своим ушам. Откуда мог знать такие вещи Николай Васильевич?

— А вы не знаете, зачем я в подвал пошел. Думаете, испугался?

— Да ты, кажется, обиделся?

В это время в коридоре раздались шаги. Степка оглянулся: в комнату вошел плотный человек с седыми висками. Но вместо знакомой формы, на нем был надет халат.

— Ну, здравствуй, Степа. Не ожидал меня здесь встретить? Бывает, бывает. Николай Васильевич — мой брат.

— Брат! Вот здорово! — обрадовался Степка. — Товарищ майор, Вы мне так нужны! Я вам звонить собирался.

— Ну, звони. Я слушаю.

— Да вот... как это... — покосившись на механика, пробормотал мальчик.

— Ничего, говори. При нем можно.

— Так я ракетчицу нашел. Она вчера вечером... нет, позавчера... два раза желтые ракеты пустила. — Степка торопливо рассказал все свои приключения.

— Ты узнаешь, если увидишь ее?

— Узнаю. Я на нее долго смотрел, чтобы потом не спутать.

— Признаешь, признаешь, Степан Григорьевич, — вмешался в разговор моряк, — а сейчас умойся, и пойдем пить чай. Жаль, что ты не хочешь моряком стать. А приятеля своего ты приведи непременно.

— Мишку?

— Да. Я из него первоклассного моряка сделаю.

Умытый, с приглаженными вихрами, Степка вошел в столовую и чинно поздоровался с женщинами. В чужом доме, среди взрослых, он чувствовал себя неуютно. От смущения он обжег себе губы, пролил на скатерть чай, уронил бутерброд, и готов был заплакать от досады. Но постепенно освоился и стал уплетать все подряд, что заботливо и незаметно подкладывала ему старушка.

После завтрака, майор и Степка отправились в больницу Эрисмана.

В приемной больницы Степка долго ждал, пока майор узнавал в какой палате лежат привезенные с Геслеровского. Возвратившись, майор приказал Степке надеть белый халат. Завязывая тесемки на своем халате, майор стал вполголоса объяснять задачу.

— Мы пойдем мимо коек, и как только ты узнаешь ее, остановись около кровати и нагнись, будто у тебя шнурок развязался на ботинке. Понял?

— Да.

— Говорить ничего не надо. Мне нужно узнать только номер кровати. Если ты его увидишь — запомни.

Ракетчицу Степка увидал сразу, как только они вошли в палату. Она сидела на кровати. Больничная одежда сильно изменила ее. Приблизившись к койке, Степка нагнулся, чтобы перевязать шнурок.

А через несколько минут майор уже выяснил фамилию, имя, отчество и адрес ракетчицы.

На улице майор попрощался с мальчиком.

— Сейчас иди домой. Приятели, наверное, ищут тебя, и мать беспокоится. Вечером я позвоню.

— Сегодня опять пойду дежурить! — сказал Степка.

— Ну, конечно. Борьба предстоит еще долгая. Это только начало.

Степка шел по широкому проспекту, вместе с потоком людей, независимо поглядывая по сторонам. Он думал о последних словах майора: „Борьба предстоит еще долгая“.

На душе было радостно. Он нашел свое место в этой борьбе и, как взрослый, помогал общему делу.

★

ЛЕТНИЙ САД И ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ ПЕТРА

Д. Михайлов

В первые годы жизни молодого Петербурга, Петр начал устраивать на левом берегу Невы свой „огород" — Летний сад.

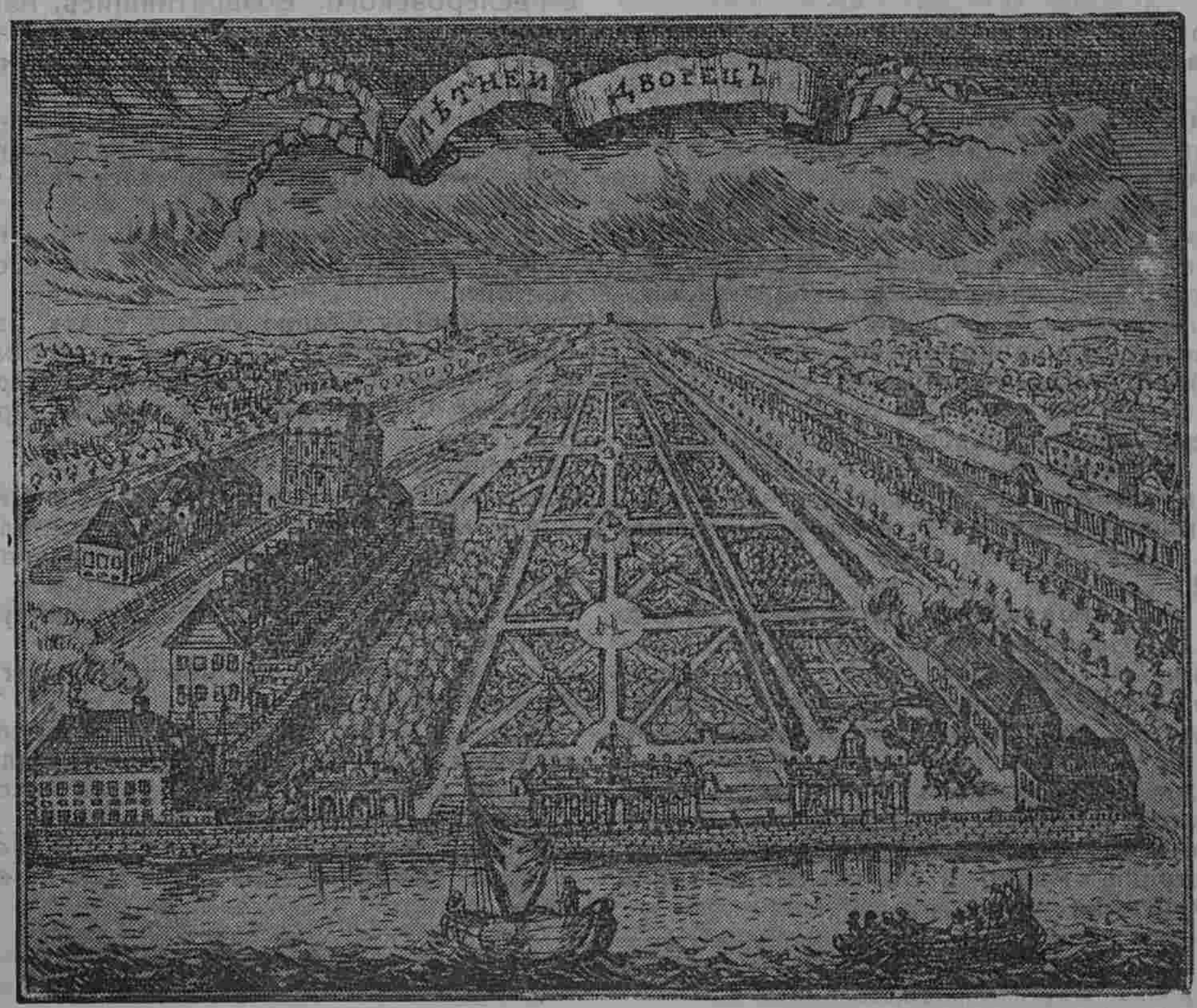
Над разбивкой Летнего сада трудились многие петербургские архитекторы. Но больше всех работал сам Петр. Он проводил дорожки, сам сажал деревья, выписывал из Москвы клены, из Киева — грабы, из Данцига — барбарис и розы.

В 1718 году строительство сада перешло в руки Леблона — замечательного мастера садового искусства. На болотистой почве невских берегов, под тусклым северным солнцем он создал одно из прекраснейших произведений зеленой архитектуры.

Летний сад в XVIII веке занимал огромное пространство от Невы до Невской перспективы. В него входили: нынешний Летний сад, весь участок Инженерного замка, Русского музея, улицы от площади Искусств до Фонтанки. Это был сад „правильный", как здание, архитектура из зелени и воды.

Здесь должны были расти не обыкновенные деревья с беспорядочно разросшимися ветками, а деревья подстриженные, причесанные. Они могли бы служить для гуляющих в саду людей зелеными беседками, зелеными стенами, зелеными туннелями... Всюду должна была быть вода — спокойная вода в прудах, журчащая вода ручейков, вода, падающая с утесов, и вода, взлетающая ввысь. Фонтаны считались высшим достижением садового искусства, и Леблон называл их „душой сада".

Летний сад выходил прямо на Неву, и подъезжали к нему на лодках. На месте теперешней набережной были выстроены



три длинные деревянные галереи со спусками на воду. В средней стояла на высокой подставке статуя древней богини Венеры. Петр купил ее у римского папы и очень гордился ею. В дни праздников у подножия статуи стоял часовой.

От средней галереи, вдоль всего сада, шла широкая аллея, обсаженная подстриженными липами, кленами и акациями. Она терялась вдали, пересекая прямые поперечные аллеи. На местах пересечения аллеи расширялись, образуя круглые площадки.

Первая называлась „дамской", потому что здесь, обыкновенно, в жаркие дни, сиживала императрица со своими дамами. Вторая называлась „шкиперской", и была любимым местом прогулок Петра.

Был в саду и огромный птичник, где жили орлы, черные аисты, попугаи и другие редкие птицы. Были и загоны для зверей, где находились волки, медведи, шакалы, серны, лисицы и огромный еж.

Летний дворец Петра выглядел совсем просто: четыре гладких оштукатуренных стены, покрытых остроконечной крышей. Потом скульптор украсил стены лепными изображениями кораблей и морскими сценами из древне-греческой мифологии. Петр всюду хотел видеть свои любимые корабли. Французский мастер сделал для внутренних помещений дворца замечательные деревянные резные орнаменты. Но все же дворец не приобрел дворцового облика. Он более всего напоминал дом небогатого голландского мастера-корабельщика. В центре дома, по голландской моде, находилась большая, светлая кухня, выложенная разноцветными кафелями.

Из кухни блюда подавались в соседнюю столовую через отверстие в кухонной стене.

Всего во дворце было одиннадцать комнат: спальня царя и царицы, детская, кабинет, танцовальный зал и другие. Все они почти не отличались размером друг от друга. Всюду много света и замечательный вид на Летний сад, Фонтанку и Неву.

Был в Летнем дворце и тронный зал Петра. Эта комната была не больше других помещений дворца. Трон, стоящий в этой деловой, простой комнате, напоминает скорей старинное кресло какого-нибудь голландского отца семейства, вокруг которого собиралась по праздникам вся семья.

Не тронный зал, а другая комната отличается от всех остальных своим убранством и ценностью стоящих здесь вещей. Это — „токарная".

Она вся занята тремя большими сложными станками. Один из них служил для разметки зубчатых колес. Второй, так называемый „токарно-гильотинный", был сделан по чертежам слесаря Нартова, друга и учителя Петра в вопросах техники. Петр вытачивал на этом станке части часовых механизмов, табакерки, различные вещи из меди и серебра.

Третий станок назывался „махиной персонных фигур". Он служил для штампования медалей.

Петр проводил в своей рабочей мастерской бо́льшую часть дня, когда бывал в Летнем дворце. Здесь он принимал посетителей и друзей.

На одной из стен рабочей комнаты помещались мореходные и измерительные приборы: часы, они показывали также дни, месяцы и фазы луны, барометр, прибор для определения силы и направления ветра. Этот прибор был соединен с флюгером на крыше.

Рабочая комната была самым любимым помещением Петра во дворце.

ПРЕСНАЯ ВОДА

Горько-соленая морская вода для питья не годится. Как быть потерпевшим кораблекрушение, если им предстоит пробыть в море несколько суток на шлюпках или плотах?

Недавно американские химики изобрели карманный опреснитель. Состоит он из двух сортов спрессованных кубиков А и Б сложного химического состава и трех резиновых мешочков, емкостью по одному литру каждый. С их помощью нетрудно опреснить морскую воду.

Нужно зачерпнуть воды в первый мешочек и положить туда кубик А. После растворения кубика, на дне мешочка выпадут все соли, тогда воду осторожно переливают во второй мешочек, в котором есть особая сетка — фильтр. В отфильтрованную воду кладут кубик Б и вода освобождается от щелочи. В третий мешочек сливают опресненную воду. На приготовление пресной воды требуется всего 30 — 40 минут.

В каждом карманном пакете вместе с резиновыми мешочками находится десять пар химических кубиков А и Б — питьевое довольствие человека на двадцать дней.

А. Дмитриевич

★

Сказания Урала

Б. Прилежаева-Барская *Рис. Н. Муратова*

Нет на земном шаре более древней и богатой горной страны, чем Урал. Железо и медь, золото и платина, драгоценные камни-самоцветы; уголь, нефть, глина — все есть в уральской земле. Алюминий, асбест, слюда... Гораздо легче перечислить то, чего нет на Урале чем то, что скрывается в его недрах. Русский писатель Аксаков говорит о нем:

„Чудесный край благословенный
Хранилище земных богатств“.

Древне-греческие и римские писатели рассказывали о находящейся „на краю света“, таинственной стране „гипербореев“ (так называли они Урал). Греки и римляне не только знали о ней по наслышке, но и сами бывали на Урале.

Ученые археологи находят в Уральской земле обломки греческих и римских изделий, находят и следы поселений древних. Потом появляются другие пришельцы. Их рассказы смешиваются с преданиями и поверьями местных жителей. Так возникли сказки и легенды, которые дожили до наших дней.

В предгорьях северного Урала, недалеко от небольшого городка Молотовской области Чердыни, стоит гора. Зовется она „Полюд-камень“ (на Урале горы называют камнями). Так и кажется, что Полюд, точно страж, охраняет и старинный город, взбежавший на горку, дремучие леса, его окружающие, и серые извилистые речки: Колву и Вишеру.

Вот какую легенду про „Полюда-великана“ я слыхала в Чердыни.

Было время, когда на Уральской земле жили могучие и добрые великаны. Они учили людей как тенета ставить, как лук натягивать и стрелу пускать, как огонь высекать и пищу готовить.

Самым добрым из всех великанов был Полюд. Он защищал людей от злых духов и чаще всего от лешего. Когда леший докучал людям, Полюд начинал свистеть. От свиста такой ветер поднимался в лесу, что леший пускался наутек. За это леший не взлюбил Полюда и все думал как бы его извести. А как с таким сильным и могучим поспоришь? Забавы ради, Полюд перебрасывался со своими братьями, другими великанами, огромными каменьями (сколько их по Уралу раскидано — все великановы дела).

Задумался леший. Думал, думал и решил пуститься на хитрость.

— Пойдем, — говорит, — Полюд, погуляем с тобой по лесу.

— Ну, что же, пойдем! — согласился великан.

По дороге леший затевает разговор:

— Ты, Полюд, как спишь?

Удивился Полюд такому вопросу, не понимает, к чему леший клонит, а леший расхвастался:

— Я, когда сплю, так хвоя с деревьев валится!

— Подумаешь! — говорит Полюд. — Вот когда я сплю, у меня дым изо рта валит...

— У тебя поважней моего сон, — сказал леший. — Давай-ка, Полюд, ляжем спать, притомился, я, гуляючи!

Улегся леший под деревом и закрыл глаза. А Полюд положил бревно, подпалил его, затем накрыл тулупом да шапкой, а сам спрятался за деревом и смотрит, что будет дальше. Бревно задымилось, дымок из под шапки поднялся вверх.

Открыл глаза леший, поглядел на дымок — спит, значит, Полюд. Леший возьми да и пусти стрелу. Стрела вонзилась в бревно и застряла, стоит торчком. Полюд подкрался к лешему, схватил его за горло и, понятное дело, задушил. „На, мол, получай, за свои хитрости“.

Люди, как узнали, что Полюд убил лесного духа, сбежались благодарить могучего великана. А он стоит неподвижно, ухмыляется в бороду: „Ну, говорит, полезайте на меня, посмотрите, что кругом делается“.

Люди вскарабкались по полюдовым ногам, животу и плечам на голову ему, глядят: леса кругом расстилаются, луга, озера, реки. А Полюд говорит:

— Все ваше! Зверей ловите, рыбу тащите, землю обрабатывайте! Все ваше, а я уж постою, постерегу, не дам вас в обиду.

Люди полезли вниз, а Полюд засунул руку за пазуху и вытащил оттуда горсть самоцветных камешков и золотых кругляшек. „Нате, мол, забавляйтесь“.

Как увидели люди, что у Полюда на груди хранится, полезли они к нему за пазуху.

Ан, не тут-то было! Превратился вдруг Полюд в громадную каменную гору, лесом поросшую.

Ищут с тех пор люди в горах то место, откуда Полюд камешки драгоценные вытащил.

Ухмыляется про себя старый Полюд. Да нет, нет, подбросит незаметно людям то кругляшек блестящих, то камешков самоцветных. Вот какой добрый! А люди думают, что они сами все нашли. Ну и пусть думают!

Стар наш Урал, очень стар. Подобно тому, как на старых лицах появляются морщины, так и на старой Уральской земле образовались глубокие складки.

В одной из таких расщелин, на севере Молотовской области находится озеро. Какие-то странные звуки несутся из его глубины, будто стонет кто-то, жалуется. Рыбаки приходят к озеру, забрасывают сети, а рыба не ловится.

„Это мамонт своими стонами распугал всю рыбу", говорят рыбаки, убирают сети и уходят. А дома на досуге рассказывают легенду о стонущем озере.

Было это в те времена, когда водились еще мамонты. Тяжело ступал мамонт по земле, гулко отдавались его шаги. И люди и звери шарахались в сторону при его приближении. Все боялись его и почитали.

Но вот случилось несчастье: полил дождь и такой сильный, что вода бурными потоками стала заливать землю. Идет дождь день, другой, третий. Воды все больше и больше. Тонут в воде звери и люди, — нигде ни кусочка суши не осталось.

Один только человек догадался соорудить корабль для себя и своей семьи. Взял он с собою разных зверей и поплыл на своем утлом корабле.

Плывут люди на корабле по волнам, что гуляют по равнинам и лесам, и видят: посреди леса стоит мамонт и плачет. А вода все выше и выше поднимается — уже мамонтовых колен достает.

Увидел мамонт корабль и стал просить людей взять его с собой. Да не соглашаются люди, боятся — больно уж большой и неуклюжий мамонт, вдруг он корабль перевернет и потопит.

А мамонт еще горше плачет, еще жалобней просит людей. Но не слушают люди мамонта, уплывают все дальше и дальше. А мамонт все глубже и глубже погружается в воду. Заливает ему вода рот, уши, глаза... Стонет он, и стон его разносится по всему водному простору.

Долго лил дождь, очень долго. Потом вода стала спадать, а когда земля совсем просохла, на том месте, где некогда стоял мамонт — образовалось озеро. Из глубины этого озера до сих пор несутся стоны. То обиженный мамонт жалуется, горюет о своей судьбе, а выйти на сушу никак не может.

Рассказ о мамонте, который до сих пор стонет, конечно, только легенда, сказка. Ее придумали люди в те времена, когда никто не мог объяснить почему „стонет" озеро.

Теперь ученые говорят так: озеро очень глубокое, а на большой глубине под землей текут воды, которые вливаются в него. Вот от напора этих подземных вод и идет гул. Пещеры же и пустоты, образовавшиеся в складках гор, усиливают его.

Урал богат лесами, пушным зверьем. В старину рассказывали, что звери тучами падали с небес на землю. Найдет туча на небо, из нее сыпятся маленькие белки; потом найдет другая туча, из нее падают оленята, только что родившиеся, однако они скоро вырастают и разбегаются по окрестностям.

Пушные богатства далекого Урала привлекали торговых людей западной окраины Руси — новгородцев.

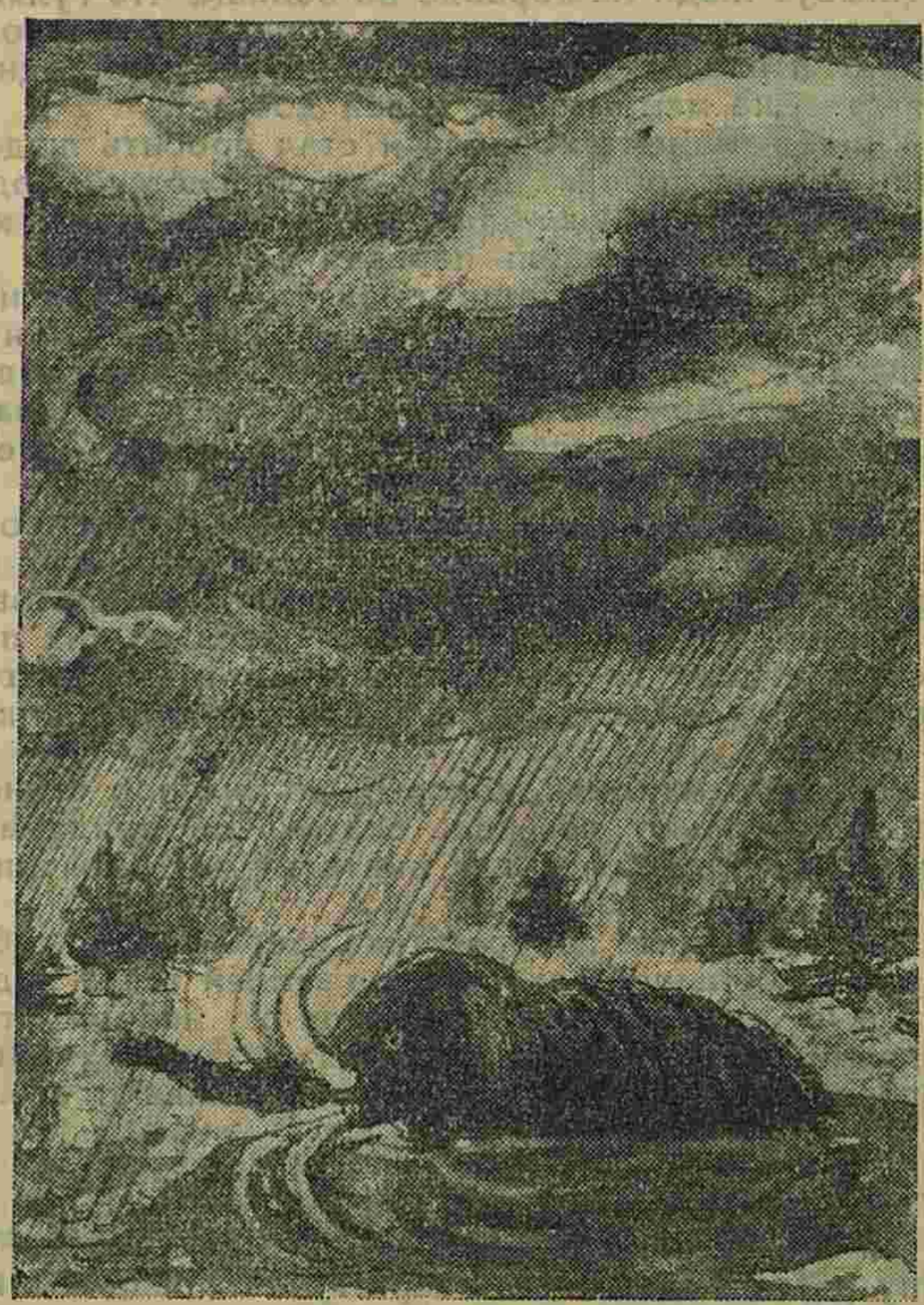
Из Новгорода Великого на север и юг, на восток и на запад расходились по рекам и речкам водные дороги. Иноземные купцы свозили по тем дорогам на Новгородский торг сукна и шелка, вина и сласти, а новгородские купцы сбывали иноземцам пушной товар: соболей и белок, горностаев и куниц. Вся Европа одевалась в меха, которые доставляли из Новгорода. Так и назывались меха „новгородским товаром".

Кто же ездил за этим товаром? Первым делом купцы или, как их называли тогда, „гости". Ездили гости торговые по реке Волхову, по озеру Ильменю. Ездили и на Волгу. Купцов в Новгороде уважали, о них складывали сказки, пели песни. Одним из таких новгородских купцов был Садко — герой старинной былины.

Садко говорил:

„А спасибо тебе, матушка Волга-река,
„А гулял я по тебе двенадцать лет",

По Волге новгородские купцы поднимались до Камы, заплывали и на Вишеру с Колвой и добирались до Уральских гор. Нагруженные добычей, возвращались они в Новгород и рассказывали о чудесах, виденных ими в Уральских краях: в Перми, на Печере и Югре. Живет, говорили они, в горах какой-то таинственный народ и через окошечко, прорезанное в горе, ведет торг с купцами. По следам купцов отправлялись в далекое плавание удалые молодцы новгородские на легких „ушкуях", отчего и сами молод-



цы новгородские стали называться „ушкуйниками“.

Много столетий прошло с тех пор, но и сейчас в глухих местах уральских предгорий можно услышать старые новгородские словечки, старинную новгородскую песню, увидеть обычаи, в которых отразилась новгородская жизнь былых времен.

Русские поселились на Урале. А куда же делись исконные жители уральской земли — Перми Великой? Вот что рассказывает об этом легенда „Царь Кор“.

На высоком берегу реки Колвы, в неприступной крепости, в городе Искоре пировал однажды владыка города царь Кор. За дубовым столом восседал сам царь, сыновья его и вельможи. На столе стояли драгоценные кубки иноземной работы, наполненные брагой и медом.

На полу, у ног царя сидел со своей домрой певец Мичаморт и воспевал доблесть и красоту владыки Искора:

Наш могучий Кор прекрасный,
Богатырь рыжебородый!
Некогда ты шел войною
На вогулов и на Югру...[1]

В разгар пира врывается в палату Бараморт — главный жрец страны Кора. Звенят на его одежде медные подвески и лезвия ножей, железные кольца и погремушки. Остроконечная шапка, опушенная мехом, съехала на затылок, седая борода разметалась от быстрой ходьбы. Печален жрец. „Вечерняя жертва моя напрасна. Дым идет не к небу, а клонится долу, — говорит он. — Несчастье, несчастье ждет нас“.

К стране Кора приближается чужеземное войско...

Сыновья и воины утешают Кора:

Не печалься, Пермь родная!
Ты прикрыта от врагов
Камнем серым и лесистым,
Кратким летом, шумом бури
И сугробов пеленой.

Кор приносит в жертву богам быка, черного барана с белым пятном и золотую утку. Но несметное войско уже недалеко от города Искора — вот оно уже под скалой на берегу Колвы. Воины бьются у подножья деревьев, влезают по стволам, цепляются за могучие ветви...

Близка гибель Кора... Но вдруг появляется на небе черное облако: это вещая птица Рык распростерла свои крылья... Говорит она человечьим голосом: „Не владеть Кору прикамской землей, другие люди придут сюда“.

Посадила птица Рык на свои могучие крылья пермского царя Кора, его сыновей, приближенных и перенесла их всех в северную страну, на берега реки Вычегды.

Умер там старый Кор. Его сыновья забыли о родном Искоре и стали жить как свободные звероловы-охотники; жив только певец Мичаморт. Он поет в лесу свои песни о царе Коре. Внимают его песне северные птицы и высокие ели.

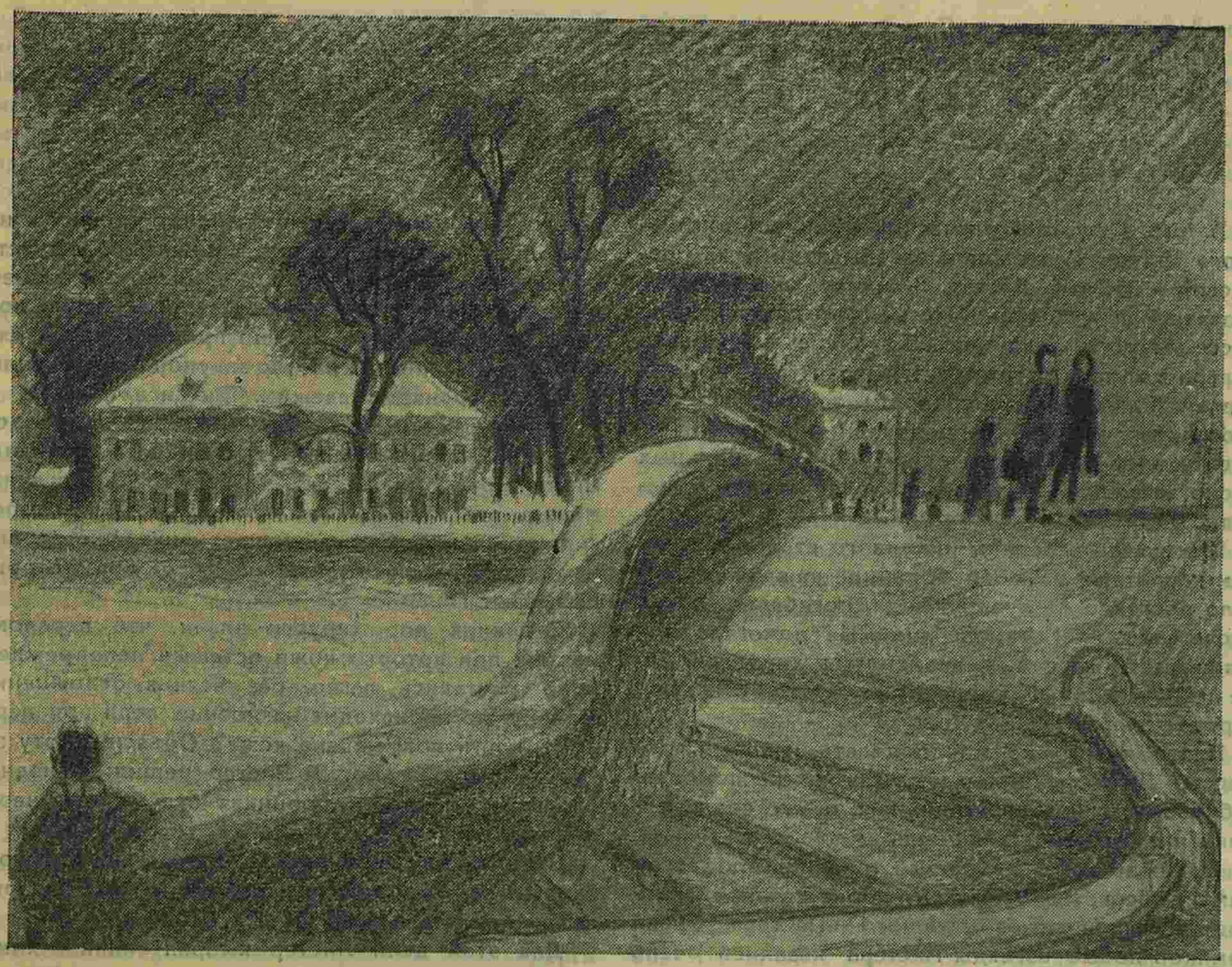
Так рассказывает легенда об исчезновении уральского народа, жившего здесь до прихода русских. В действительности не погиб этот народ, а живет на своих старых местах в прикамской земле.

Есть у коми-пермяцкого народа и новые песни. Они сложены в наши дни. В них говорится о возрождении Урала после Октябрьской революции, о том, как чудесный край становится еще более чудесным.

„...от тех краев, где омывает Кама
Бескрайные таежные леса,
Где бьют волной в крутой прибрежный камень
Сплазные реки Иньва и Коса,
От тех краев, где плакать перестали,
Где новой жизни льется яркий свет,
Любимый Сталин, дорогой наш Сталин,
Прими от Коми пламенный привет!

---

[1] Народы, живущие в Уральских горах.



„У Летнего сада“ — *Рисунок А. Пахомова*

ДРУЗЬЯ

Леонид Хаустов

Прочитан Жюль Верн, и мечта оживает,
И новую мы затеваем игру.
Разлив на реке, словно море, без края,
И хлопает парус на резком ветру.

Смелее навстречу неведомым странам!
Блестит за кормою витая струя,
Мой друг на корвете идет капитаном,
А первым, бывалым помощником — я.

Уже до пустынного берега близко.
Таинственный остров на нашем пути.
О, сколько здесь нужно отваги и риска,
Чтоб рифы минуя, в лагуну войти.

Скитанья по лесу изведав на деле,
До нитки промокнув под первым дождем,
Ржаную горбушку мы поровну делим
И клятву на верность друг другу даем.

Костер полыхает средь мрака лесного,
Зеленые сосны шумят в вышине,
И в знак нерушимости нашего слова
Два имени вырезал я на сосне.

Вот так родилась наша дружба мужская.
И, если попал мой товарищ в беду,
Мне вспомнится сразу сосна вековая
И где бы я ни был — на помощь приду!

★

УЧЕНИЕ ДЖОЗЕФА ЛИСТЕРА

Ф. Копылов

В 1860 году хирургической клиникой английского города Глазго стал заведывать новый профессор — Джозеф Листер. Клинику нельзя было назвать благоустроенной, она была расположена на месте старого кладбища. Во время повального холерного мора мертвых зарывали как попало, совсем близко от поверхности земли. Конечно, зловредные испарения проникали в палаты. Неудивительно, что после операций раны больных плохо заживали, нагнаивались, воспалялись и, нередко, приводили к смерти.

Правда, до середины прошлого столетия в любом госпитале, в любой больнице каждой страны дело обстояло не лучше. Люди погибали нередко после самых легких операций. Не помогала блестящая техника самых знаменитых хирургов. Даже незначительный разрез как будто открывал ворота смерти.

Никто ничего не мог поделать, и новый профессор Джозеф Листер был так же беспомощен в борьбе с этим бедствием, как и его современники и его предшественники.

Однажды в разговоре его товарищ, профессор химии, посоветовал Листеру прочесть работы молодого французского ученого — Пастера. Среди химиков новые взгляды Пастера казались очень необычными.

Листер не был узким специалистом, замкнувшимся в своей области — хирургии. Он много читал; стал читать и работы Пастера.

Пастер писал о гниении и брожении. Этими вопросами ученые занимались мало. Считали, что мясо или молоко портится, то-есть начинает гнить или скисать, когда соприкасается с воздухом, главным образом с содержащимся в нем кислородом. Не так думал Пастер. В его работах такие простые, всем давно известные явления — скисание молока, превращение выжатого виноградного сока в вино, порча мясных продуктов — представлялись в совершенно новом свете.

Бесчисленными остроумными и неопровержимыми опытами доказывал Пастер, что брожение и гниение вызываются совсем не воздухом, не кислородом, как думали прежде, а мельчайшими, видимыми только в сильный микроскоп, живыми организмами — микробами.

Стоит микробу, вызывающему гниение, попасть из воздуха, например, в мясо, как оно начинает гнить. Микробы бывают разные, учил Пастер: одни вызывают гниение, другие брожение и т. д. Попадая в тело человека или животного, микробы вызывают некоторые болезни.

Как и всякое другое живое существо, микробов можно убить. Они не выносят сильного нагревания, действия многих химических веществ. Если убить микробов, то даже легко портящиеся вещества могут сохраняться неопределенно долгое время. Например, хорошо прокипяченный мясной бульон в чистой, плотно закупоренной бутылке годами сохраняется свежим. Так писал Пастер.

Новые мысли заставили Листера задуматься. Что, если применить выводы химика к хирургии? Листер рассуждал так: человеческий организм можно сравнить с бутылкой, стенками которой является кожа. Она защищает внутренние органы и ткани от проникновения микробов, которые вызывают гниение.

С давних пор хирурги знали, что переломы костей, при которых кожа осталась неповрежденной, срастались легко, без всяких осложнений. Почему же происходит нагноение, если при переломе кости повреждена кожа? Объяснить эту загадку никто не мог. А Листер решил: нагноение вызывают микробы, проникая вглубь тела через повреждения кожи.

Значит, для того, чтобы в ране не началось заражение, надо убить в ней микробов, которые могли попасть в нее.

Для этой цели Листер выбрал сильное химическое вещество — карболовую кислоту. Растворами ее он поливал рану во время операции, по окончании операции накладывал повязку из пропитанной карболовой кислотой марли и тонкой, непроницаемой для воздуха, материи. В операционной, все время огромным пульверизатором распыляли раствор карболовой кислоты. Операции происходили прямо-таки, в карболовом тумане; на полу текли ручьи карболовой кислоты. Это было настоящее карболовое наводнение...

Результаты получились удивительные. В клинике около кладбища в Глазго, раны вдруг перестали нагнаиваться. Нагноения если еще и случались, то не оказывались такими губительными как раньше. Раны после операций Листера перестали служить воротами смерти. Это было похоже на волшебство.

Не все хирурги сразу последовали примеру Листера. Начитавшись книг какого-то сумасбродного химика, огромным пульверизатором пугать невидимых, носящихся в воздухе зверьков! Разве это хирургия? — недоумевали некоторые врачи.

Насмешки, однако, скоро прекратились. Там, где начинали оперировать, по способу Листера, сразу прекращались все прежние ужасы. Под защитой карболовой кислоты оказалось возможным делать сложные операции.

Гладкое заживление зашитой операционной раны с тех пор как существует хирургия, было счастливой случайностью, а теперь стало обычным исходом операций. Хирурги осмелели. Раньше операция была средством отчаяния, а теперь она превратилась в обычный способ лечения. Люди стали быстро поправляться после операции в тех самых госпиталях и больницах, где раньше погибали сотнями и тысячами...

Сейчас трудно даже представить себе, какой переворот в хирургии произвел Джозеф Листер.

Вскоре удалось установить, что опасность заражения раны угрожала не только из воздуха. Носителями микробов оказывались сами хирурги. В одних и тех же фраках и мундирах они производили и вскрытие умерших и операции. Со временем рукава и обшлага их мундиров пропитывались гноем. И никто не догадывался, что именно в одежде хирурга гнездились микробы. Эти мундиры и фраки заменили безопасным костюмом: халатом из белой, легко моющейся материи.

Изменились и хирургические инструменты. В долистеровское время ручки инструментов делали из дерева, рога и слоновой кости, с резьбой и перламутровой инкрустацией. Лезвие украшалось нередко гравировкой или золотой насечкой. Инструменты были сложные: с винтами, колесиками, цепочками.

В трещинах деревянных и костяных ручек, бороздках гравировки, в нарезках винтов сохранялись от прежних операций остатки разложившейся крови и гноя. Поэтому все инструменты были заражены бесчисленными микробами. Нож хирурга вносил заразу в тело больного.

Теперь хирургические инструменты изготовляют с гладкой поверхностью из полированной стали. Их легко очистить. Ножницы, щипцы и зажимы сконструированы из двух половин, вкладывающихся друг в друга, но не соединенных винтами. Инструменты хранят не в бархатных футлярах, а в гладких полированных металлических коробках.

Перевязочный материал... Холщевые бинты, подушечки, набитые шерстью и мелкими перьями, мох и торф, корпия—комки коротких ниток, нащипанных из лоскутков, ветошь, пакля, хлопчатая бумага — все это был не плохой материал для перевязок.

Но перевязочный материал хранился в мешках из-под муки и картофеля или был свален грудами на полу кладовой. На нем устраивался на ночь дежурный госпитальный служитель. Снятые с больных грязные повязки кое-как прополаскивали и снова пускали в дело. Прочные холщевые бинты годами переходили от одного больного к другому. Марли не было; впервые применил ее тот же Листер.

Нити для перевязки сосудов и зашивания ран... Нарезанные они висели на пуговице фартука фельдшера, помогавшего при операции. Послюнив конец нити, фельдшер вдевал ее в ушко и, проведя через сальный опарок, чтобы лучше скользила, подавал хирургу.

Вот какими путями шло заражение. Значит все, что соприкасается с раной, должно быть обеззаражено. Тогда незачем стремиться убивать микробов в самой операционной ране; их там не будет.

Карболовая кислота, введенная Листером, хорошо убивала микробов. Но у нее был и недостаток: она вредила больному. Растворы кислоты обжигали и поверхность раны, и кожу вокруг нее, и руки хирургов. Всасываясь в кровь, карболовая кислота иногда вызывала осложнения и у больных, и у самих хирургов. Нужно было найти другое средство. Оно нашлось, — его указал сам Пастер.

Микробы не выдерживают высокой температуры. Следовательно, карболовую кислоту можно заменить кипящей водой, прокаливанием и горячим паром. Инструменты можно прокипятить, тазы, посуду обжечь пламенем спирта; халаты, перевязочный материал и все белье, употребляемое при операциях, — подвергнуть действию пара.

Но как быть с руками хирурга? Как мыть руки, чтобы убить микробов? Обмыть руки в растворах разных химических веществ, ядовитых для микробов? Но от этих растворов грубела и трескалась кожа, а микробы в мельчайших складках ее оставались живыми. Вымыть щетками руки в горячей мыльной воде, протереть их мелким прокаленным песком или мраморным порошком? После такой обработки кожа рук освобождалась от микробов, но только на несколько минут. Потом микробы снова появлялись из толщи кожи.

Тогда стали мыть руки сначала щетками в горячей воде с мылом, а потом тщательно протирать их спиртом, иод-бензином, раствором дубильной кислоты и т. п. Кожа рук уплотнялась, микробы не появлялись на ее поверхности.

Теперь, после мытья и дубления кожи, хирурги часто надевают на руки еще тонкие резиновые перчатки, обеззараженные действием пара.

Учение Листера получило общее признание в 1890 году, на международном конгрессе хирургов, на котором председательствовал сам Листер.

Это учение — основа всей нынешней хирургии.

*

В ТРАМВАЕ

Изабелла Гринберг

Коля возвращался с катка. Он сидел, развалясь, на скамейке в переполненном трамвае. Вдруг какая-то юркая, седая старушка, обращаясь к нему, попросила:

— А ну-ка, внучек, уступи место!

Коля посмотрел на нее и грубо ответил:

— Здесь не ваши места. Я не обязан.

Но старушка спокойно сказала:

— Нет, обязан. Я старая, мне трудно стоять. У меня нога болит.

— А, может, у меня тоже нога болит, — буркнул Коля.

— Да что ты! — встревожилась старушка. — И давно болит?

— Давно, — проворчал Коля, стараясь запрятать коньки под ватник.

— Ай-ай-ай! — заохала старушка. — Сильно болит? Ноет или, может быть, колет?

Коля молчал. А старушка не унималась:

— С-ох, с ногами шутки плохи! Вдруг у тебя костоед или туберкулез или еще что похуже! Гангрена, флегмона... И чего родители твои глядят!

Коля заерзал на скамейке, а старушка так и сыпала словами:

— Левая болит? Или правая? Обе!? Вот ужас-то! Поди и на коньках больно кататься?

Коля весь вспотел. Старушка просто издевалась над ним! Послышались смешки. Коля встал и пробурчал:

— Садитесь, что ли, мне тут выходить.

Но старушка преградила ему путь.

— Ну, нет, одного я тебя не пущу. Не могу я смотреть, как страдают дети! Сейчас я тебя в поликлинику сведу.

— Да ну вас, — попытался отшутиться Коля. — Чего там...

— Да ты не беспокойся, — нас без очереди примут. Доктор посмотрит, диагноз поставит — может гипс нужен или ванночки... Твои родители мне спасибо скажут!

Коля решил удрать, но не тут-то было: цепкие пальцы старушки крепко сжимали его руку. А тут еще выскользнули из-под ватника коньки. Кто-то поднял их, и в миг колины коньки утонули в объемистой кошёлке старушки.

Старушка тянула Колю к выходу.

— Пустите, — закричал Коля. — Чего вы ко мне привязались? Вам-то какое дело, что у меня болит? У меня ничего не болит, я просто так сказал!

— Знаю я вас, ребят — вы докторов боитесь, вот и говорите, что ничего не болит! А если во-время не захватить болезнь, так не заметишь, как и умрешь! — убеждала старушка, волоча за собой упирающегося Колю.

В поликлинике старушку, видно, знали. Колю вне очереди ввели в кабинет хирурга. Санитарка мигом стянула с него валенки, портянки и носки, хирург взглянул на колины ноги, покачал головой и что-то сказал санитарке. Та принесла в тазу теплой воды и мочалку и стала скрести колины, очень грязные, ноги.

— Вот уж влип, вот влип, — думал Коля, пока санитарка полотенцем вытирала ему ноги.

Потом хирург сказал:

— Готово? Ну, одевайся и иди. Ничего серьезного — только ноги надо чаще мыть! Следующий!

Коля пулей вылетел из кабинета хирурга. И прямо угодил в объятия старушки. Он в ужасе отшатнулся, а она протянула ему коньки и участливо сказала:

— Я надеюсь, что у тебя больше никогда не будут болеть ноги!

На улице вечерело. Коля мрачно посмотрел на подошедший трамвай.

Домой Коля пошел пешком.

★

Из истории Почты

В старину для того, чтобы отправить письмо, нужно было обязательно итти на почту: почтовых ящиков тогда не было

Первые почтовые ящики появились в Париже в середине 17-го столетия. Постепенно они завоевали себе право на жизнь и в других странах. Но таких ящиков было очень мало, и часто горожанам приходилось ходить в поисках ящика несколько километров. В Англии, в городе Дублине, для удобства населения ввели еще и „музыкальных почтальонов".

Вечером, через полчаса после последней выемки писем из ящиков, одиннадцать бравых почтальонов отправлялись в поход по дублинским улицам собирать письма. А чтобы горожане знали об их появлении, почтальоны звонили в колокольчики, звук у которых был приятный и мелодичный.

Но почтовые ящики не всем нравились. Были и такие люди, которые протестовали против „зловредных ящиков". Так, например, в 1840 году один из жителей Ганновера напечатал в местной газете такое письмо:

„Никаких ящиков!—писал он.— От почтовых ящиков все интриги. Честный человек сам придет на почту и сдаст письмо. И все видят, что вот де, такой-то пишет такому-то... Ящики нужны только тем, кто хочет устроить гадость кому-нибудь, подвергнуть уважаемое лицо подозрению, разъединить обрученных, родителей отдалить от детей, мужа поссорить с женой, господ со слугами. Такая личность под влиянием ехидства садится и пишет письмо, полное кляуз. Подписи под письмом не ставит и опускает письмо в почтовый ящик". Но таких хулителей ящиков было все же немного. Большинству населения это нововведение в почтовом деле пришлось по вкусу.

Первые почтовые ящики в России появились в 19-м веке — сперва в Петербурге и Москве, а потом и в других городах.

Многие, наверное, не знают, что конверты появились только в начале 19-го века. Родина почтовых конвертов — Франция. Сперва конверты делали гладкие, без каких-либо почтовых отметок об оплате.

Первые штемпельные конверты появились в Англии. Штемпельный конверт и марка ровесники. Год их рождения 1840-й.

В России первые „штемпельные куверты" были выпущены для городских почт московской и петербургской в 1845 г. Московский городской конверт в „5 копеек серебром за лот и 1 копейку за конверт" имел штемпель красного цвета, а петербургский — синего цвета. Эти конверты имели хождение только в пределах города, а летом — и в близлежащие дачные местности.

Только через три года появились штемпельные конверты для иногородней корреспонденции.

Запечатывались конверты не клеем, а сургучом или специальной облаткой. Облатки были цветные.

Почтовая открытка младше конверта. Первая открытка вышла в 1869 году в Австрии. Ее формат был 120 × 85 миллиметров.

Русская „открытая карточка" появилась в продаже 1-го января 1871 года.

Сейчас на каждой почтовой открытке, а часто и на конвертах напечатано:

Куда (наименование места, где находится почта, и области или края, а для станций — наименование железной дороги). Район, село или деревня. Улица, № дома и квартиры. Кому (подробное наименование адресата). Адрес отправителя.

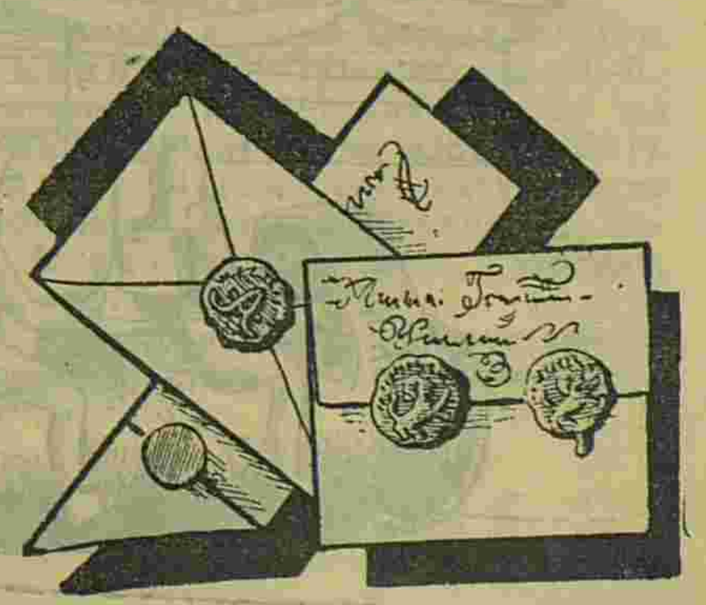
Именно в таком порядке и следует писать всегда адрес. Это облегчает работу сотрудников почты по сортировке писем.

В старину таких твердых правил писания адреса не было, и почтовые работники, случалось, долго раздумывали, как же им доставить письмо.

Вот один из таких курьезных примеров. Этот адрес был написан на письме прошлого века, посланного в Китае.

„Настоящее частное письмо покорнейше прошу почтенное почтовое бюро отправить в Нинь-По, в улицу Гсье-шьян, расположенную в черте городской стены, и там, по надлежащим расспросам, отдать его семейству Мао, которое и примет это письмо. Юнг-Шанг покорнейше просит".

Как видите, обращение очень любезное, но для почты весьма неудобное.



ВЕРХОМ НА ТОРПЕДЕ

А. Антрушин

Торпеда — грозное оружие морской войны. Она поражает корабль под водой. Этот замечательный снаряд-автомат мчится в воде, сохраняя сообщенное ему направление и глубину погружения.

Но никакие, самые совершенные приборы не могут заставить торпеду найти путь в гавань по извилистому проливу, избежать расставленных сетей или выбрать наиболее ценную добычу. Поэтому нередко случается, что торпеда не достигает цели, и ее мощная разрушительная сила остается неиспользованной.

Иное дело, если бы торпедой мог управлять человек до той самой минуты, когда она взрывается у борта неприятельского корабля.

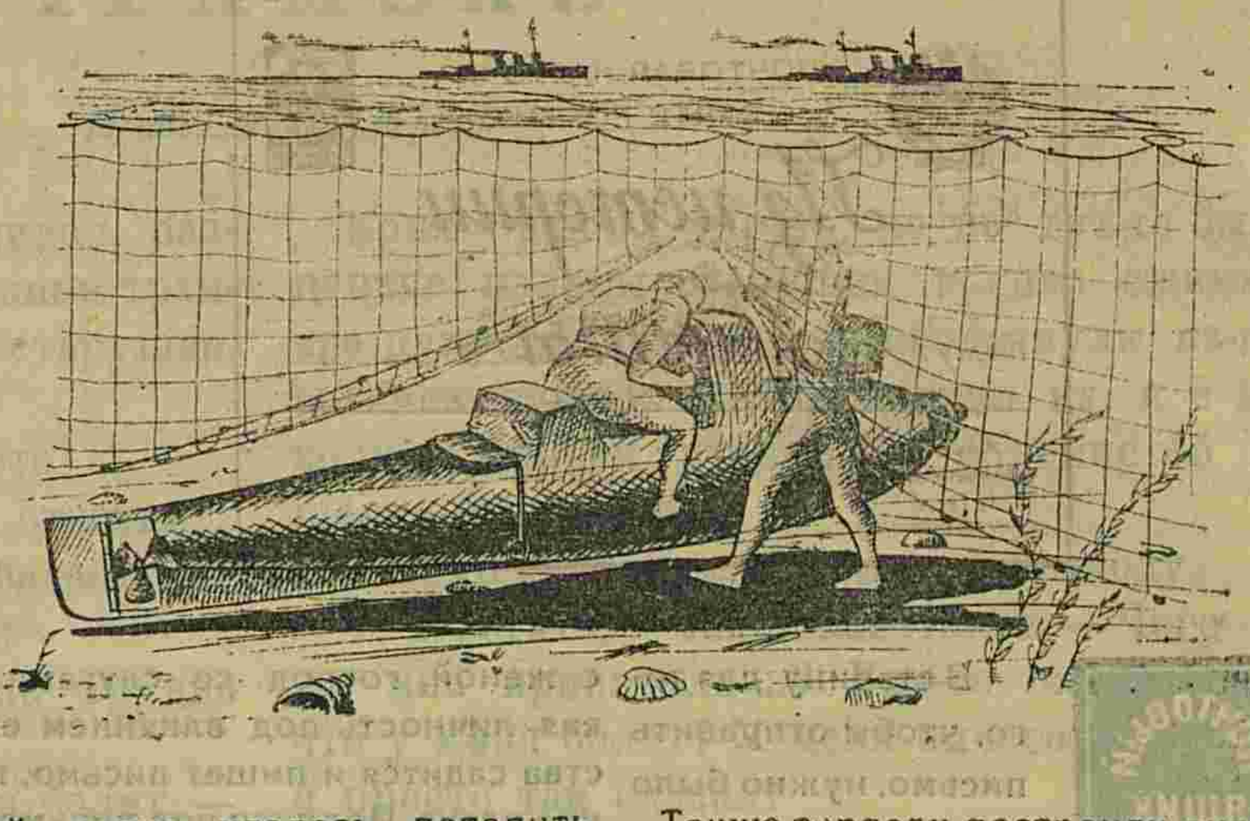
Об этом люди думали уже давно. Больше полутораста лет назад, в 1776 году, один из первых изобретателей подводной лодки, Бушнель пытался построить одноместную подводную лодку, к бураву которой должна была быть прицеплена железная мина с часовым механизмом.

По мысли Бушнеля, моряк-подводник на своей лодке должен был подкрасться под водой к вражескому судну, ввинтить в его деревянный борт мину и успеть за полчаса отплыть на безопасное расстояние. А через полчаса мина должна была взорвать и потопить корабль.

Бушнель построил свою лодку, но не потопил ни одного корабля. И не мог этого сделать: его лодка слишком медленно шла под водой, не могла без посторонней помощи подобраться к неприятелю.

Спустя девяносто лет другой изобретатель, по имени Аунлей, добился успеха. Его двенадцатиметровой лодке удалось потопить линейный корабль „Хаустоник". Аунлей отказался от привинчивания мины к борту судна и укрепил ее на кончике длинного шеста впереди носа лодки. Мина содержала в себе пороховой заряд, весом в сорок килограммов. Подводная лодка, винт которой вращали несколько матросов, незаметно подошла к линкору и ударила его в борт своей миной. Удар пришелся как раз в пороховой погреб корабля. Последний через несколько минут затонул, но вместе с линкором исчезла и лодка. Позже, когда подняли „Хаустоник", обнаружили и потопившую его лодку. Оказалось, что от сильного взрыва она была втянута в бортовую пробоину корабля и потонула вместе с кораблем.

Победа была куплена дорогой ценой. После Аунлея, попыток минировать корабли уже не делали. И только в наши дни мысль Бушнеля удалось осуществить. Изобретены управляемые человеком торпеды. Больше того, с их помощью уже потоплено несколько фашистских боевых кораблей



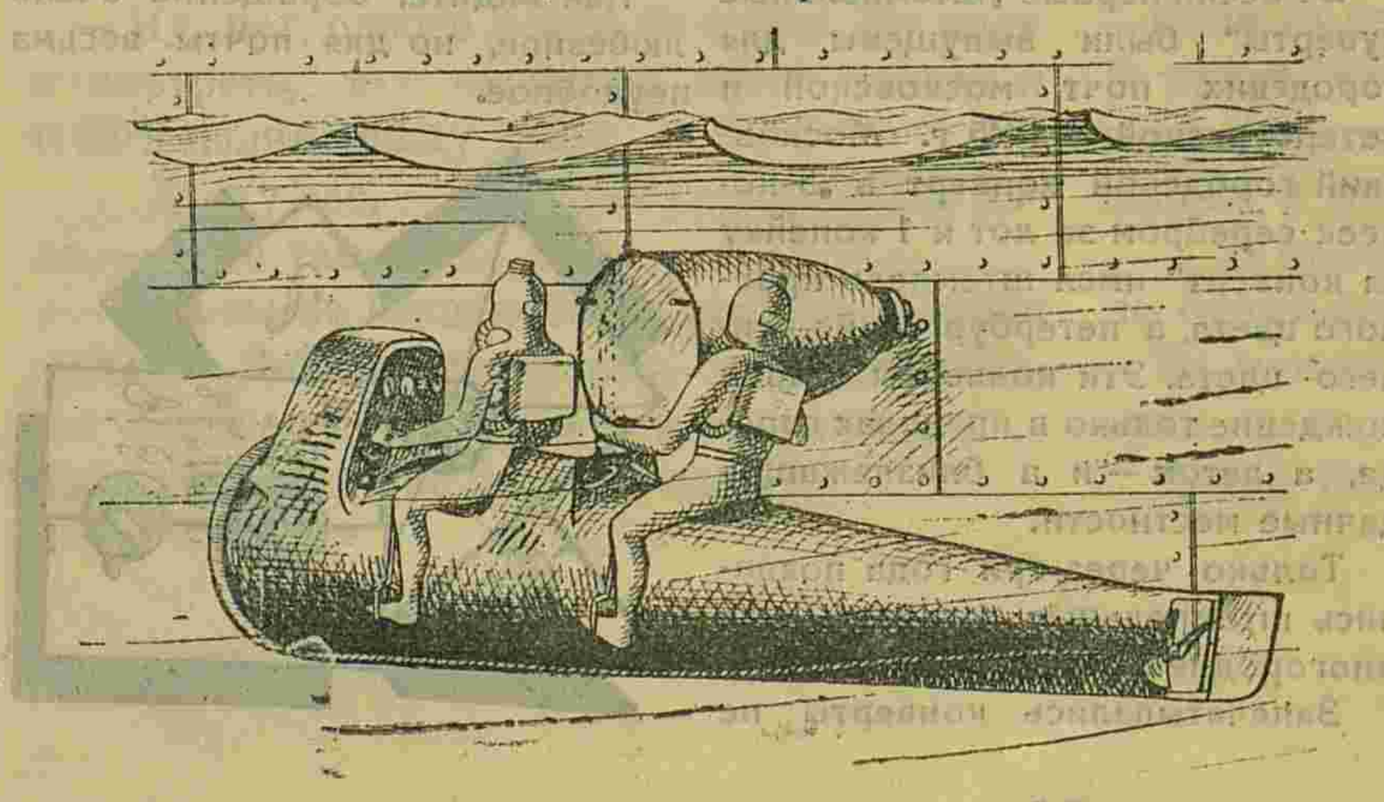
Такую торпеду построили англичане. Два человека в резиновой одежде и кислородных масках садятся верхом на восьмиметровую торпеду. У них достаточный запас кислорода и аппарат для поглощения углекислоты, чтобы на поверхности воды не появлялись пузырьки воздуха.

Обычная торпеда мчится всего несколько минут со скоростью курьерского поезда, делая до ста километров в час. Большая скорость движения торпеды нужна, чтобы успеть поразить корабль, прежде чем он, заметив опасность, свернет в сторону. Управляемая торпеда движется медленней. Спешить ей некуда, так как добычей ее являются корабли, стоящие на якоре в бухте или порту. Зато она проходит гораздо дальше, чем обычная торпеда.

Управляемая торпеда со своим экипажем может двигаться под водой на глубине до тридцати метров. Но большую часть пути она проходит на поверхности моря. Этим экономятся силы людей, и уменьшается расход электрической энергии. Торпеда движется при помощи мотора с винтом, питаемого небольшими аккумуляторными батареями. Шум винта оказывается не сильнее жужжания комнатного вентилятора. Этот шум очень трудно опознать судовыми гидрофонами-выслушивателями, даже на близком расстоянии.

Перед сидением подводных всадников установлен прозрачный обтекаемый щит, как у мотоциклиста. Но защищает он не от ветра и пыли, а от воды, которая может смыть необыкновенного седока.

На щитке — доска со светящимися приборами и рукоятки для управления торпедой. В головной части торпеды заключено двести пятьдесят килограммов взрывчатого вещества. Стоит повернуть



одну ручку, как включается электромагнит и часовой механизм самой мины. С нажатием другой ручки, головная часть торпеды, со своей разрушительной начинкой, отделяется от хвостовой части торпеды. Электромагнит „присасывает“ эту мину к стальному борту или днищу корабля. В назначенное время происходит взрыв...

Подводники сразу, как только освободятся от мины, быстро разворачивают свою укоротившуюся торпеду и спешат в обратный путь.

Мина управляемой торпеды прикрепляется к неприятельскому судну примерно так, как мыслил Бушнель. Но нынешним подводникам не надо затрачивать усилий, чтобы вращать бурав и ввинчивать мину. Теперь достаточно повернуть рукоятку.

На пути торпеды могут повстречаться противолодочные и противоторпедные сети. Обычной торпеде они преграждают путь. А подводные наездники проведут свой электрический „мотоцикл“ и через это препятствие. Вот обнаружена сеть, и тотчас торпеду опускают на самое дно. Задний наездник слезает с седла, пробирается по дну и приподнимает нижний край сети. Потом, пропустив торпеду вперед, догоняет ее, садится в седло, и смельчаки продолжают свой дерзкий путь.

★

Памятные даты из

ИСТОРИИ ГЕОГРАФИИ

Март

5 числа 1914 г. Скончался на пути к Северному полюсу Г. Я. Седов — организатор первой русской экспедиции к Северному полюсу.

19 числа 1813 г. Родился Давид Ливингстон — знаменитый английский путешественник, исследователь Центральной Африки.

21 числа 1912 г. На обратном пути от Южного полюса, трагически погиб знаменитый антарктический путешественник капитан Роберт Скотт.

26 числа 1940 г. Умер русский ученый — географ и океанограф Ю. М. Шокальский.

31 числа 1839 г. Родился великий русский путешественник — исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский.

Апрель

2 числа 1888 г. Умер выдающийся русский путешественник и ученый Н. Н. Миклуха-Маклай, изучавший жизнь папуасов Новой Гвинеи.

6 числа 1909 г. Американский полярный исследователь Роберт Пири достиг района Северного полюса.

14 числа 1934 г. Закончилась замечательная работа советских летчиков по спасению „челюскинцев“.

15 числа 1765 г. Умер гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, много потрудившийся в области географического изучения нашей Родины.

19 числа 1882 г. Умер творец эволюционного учения Чарльз Дарвин, известный путешественник, совершивший кругосветное плавание.

27 числа 1521 г. Погиб знаменитый португальский мореплаватель Фердинанд Магеллан — он первый в истории человечества совершил кругосветное плавание.

28 числа 1506 г. Умер великий генуэзец Христофор Колумб, открывший Новый Свет (Америку).

Что читать об этих событиях

„Глобус“ — географический ежегодник для детей на 1938 год — ст. Пинегина „Георгий Седов“ ст. „Сто географов“ и статьи: о Пири, М. В. Ломоносове, Ч. Дарвине и челюскинцах.

Аусвейт — Как открывали земной шар — см. ст. о Магеллане и Колумбе.

Ревзин, Г. — Колумб (Жизнь замечательных людей) М., 1937 (в книге подробно описывается жизнь и деятельность Колумба, а также значение сделанных им открытий).

Гурьян — Колумб. Детиздат, 1939 г.

Давид Ливингстон — ст. в журнале „Юный натуралист“ за 1938 год. № 9, стр. 27 и след.

Дневник капитана Р. Скотта Перевод с английского З. А. Рагозиной. Л., 1934 г.

Кадек, М. Г. — Н. М. Пржевальский. Журнал „Наша страна“. 1938 год. № 11, стр. 37 — 42.

Аренский, П. — Путешествия Миклухи-Маклая. 2-ое изд., М., „Мол. Гвардия“, 1935.

Васильева. — Человек с луны. Детиздат 1937 г.

Миклуха-Маклай, Н. Н. — Путешествия. М.-Л., Детиздат, 1937. (Дневник путешествий автора на Новую Гвинею и о-ва Адмиралтейства в 1871—1883 г).

Дарвин, Чарльз. — Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“. Перевод Е. Бекетовой. Под ред. О. Кузнецовой. М.-Л., Детиздат, 1936.

Лебедев, Н. К. — В первый раз вокруг земли. Путешествие Магеллана. Изд. 2-е. М., Учпедгиз 1935.

★

ПЕСОК И ГЛИНА

Самый верный — сильный и меткий выстрел стрелок производит на близком расстоянии.

Каждому понятно, что пуля бьет особенно сильно тогда, когда скорость ее полета еще не уменьшилась, когда запас ее энергии еще достаточно велик.

Бойцы хорошо это знают. Но они не забывают и другое: если враг затаился за насыпью из песка, то для того чтобы поразить его, следует стрелять не вблизи, а отойти подальше.

На расстоянии выстрела в семьдесят метров пулю задерживает слой песка в двадцать сантиметров. Если вести стрельбу с расстояния двухсот метров, то пуля преодолеет песчаную преграду и в сорок сантиметров. Если же стрелок бьет на расстоянии трехсот метров, то толщину слоя песка надо увеличить до полуметра.

В чем же здесь дело? В том сопротивлении, которое оказывают удару летящей пули разные материалы.

Когда пуля попадает в слой песка, его песчинки задерживают ее, и она, расходуя энергию, продвигается медленней вперед. Преодолевая сопротивление песчинок, пуля разогревается—ее механическая энергия переходит в теплоту. А разогревшись, оболочка пули разрывается. Значит, форма пули меняется. Но свинец донной части только размягчается. Развороченная головка пули сплющивается все больше и больше по мере продвижения пули вперед. А донная часть (ее форма осталась прежней) по инерции двигается быстрее головки. Это приводит к тому, что пуля делается похожей на гриб. А такая неуклюжая пуля-гриб испытывает еще большее сопротивление и еще быстрей расходует остатки своей энергии.

Если же бьют с большего расстояния, то скорость движения пули в момент удара о преграду будет меньшей. И удар получится не такой резкий и сильный. Пуля разогреется меньше, оболочка ее не разорвется и, следовательно, пуля не превратится в гриб. Сопротивление песчинок не так сильно будет препятствовать ее движению вперед. Таким образом пуля пробьет более толстый слой песка.

Вот почему, когда бой идет на близком расстоянии, боец должен выбирать укрытие из песка. Именно из песка. Глина и простая земля имеют меньше сопротивление, чем песок, и на расстоянии семидесяти метров понадобится глинистый или земляной слой толщиною около семидесяти сантиметров, чтобы задержать полет пули.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Четыре друга. *Стихотв. М. Матусовского. Рис. В. Курдова*	1
Из воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине. *Б. Короткова. Литературная обработка Н. Григорьева. Рис. В. Бомаш*	2
Самое дорогое. *Марина Капица*	5
Две девочки-сестрички. *Стихотв. С. Погореловского. Рис. Н. Петровой*	7
Приключение Буратино. *Отрывок из книги „Золотой Ключик" А. Толстого. Рис. Н. Муратова*	8
Расскажите на пионерском сборе о письме д-ра Кострова	10
Юные натуралисты. *Очерк Е. Борониной. Рис. В. Бомаш*	12
Зеленые цепочки. *Окончание приключенческой повести Г. Матвеева. Рис. М. Таранова*	13
Из прошлого нашего города. Летний Сад и Летний Дворец Петра *Д. Михайлов*	20
Пресная вода. *А. Дмитриевич*	21
Сказания Урала. *Очерк Б. Прилежаевой-Барской. Рис. Н. Муратова*	22
„У Летнего сада" *Рис. А. Пахомова*	25
Друзья. *Стихотв. Л. Хаустова*	25
Учение Джозефа Листера. *Ф. Копылов*	26
В трамвае. *Расск. И. Гринберг*	28
Из истории почты	29
Верхом на торпеде. *А. Антрушин. Рис. С. Вознесенского*	30
Из истории географии. *Памятные даты. Ис. Слоним*	31
Песок и глина.	32
Владимир Маяковский. *Рис. А. Павлова 2-ая стр. обложки.*	
Кто быстрей? *Рис. В. Бомаш. 3-ья стр. обложки.*	
Искусство народов СССР. *Рис. Т. Цинберг, 4-я стр. обложки*	

На обложке рис. Н. Петровой „В библиотеке"
На вкладке: „Как сшить тапочки"

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редколлегия: О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Теребинская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварг, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

Подписано к печати 9|IV 1945 4 печ. л. (+1 вкладка) В печ. лист. 25 000 тип. зн. Заказ 599. М—01188 Авт. л. 3,5 Тираж 10000 экз.
Типография № 9 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

1941 г. № 893

Кто быстрее?

Тренированный бегун одинаково хорошо бежит по лесу, по склону холма, по песку и по кочкам болота.

Но не каждый на бегу отыщет следы, заметит оставленные отметки, и не отклоняясь в стороны, сохранит нужное направление. А между тем это очень важно.

Существует много разных игр-состязаний, которые помогают бегуну развить внимание и наблюдательность.

Например, очень интересна игра в „лисичку". Один из участников игры „лисичка" берет с собой мешочек с известью и убегает в лес. Он то сворачивает в сторону, то возвращается обратно, то делает петлю, словом, всячески усложняет путь. А за „лисичкой" остается след — известка, высыпавшаяся из отверстия мешка

По этому следу через четверть часа побегут остальные бегуны отыскивать „лисичку". Выиграет тот, кто быстрее всего обнаружит „лисичку".

В „беге по отметкам" два лучших бегуна убегают за четверть часа

до остальных в лес. Маршрут бега известен только им. В пути они оставляют пометки: надломанные ветви, сорванные листья, воткнутые в землю палки.

Следуя этим пометкам, бегут остальные. Победитель тот, кто первым прибежит к финишу и найдет двух убежавших товарищей.

В „беге по следам" два-три наиболее сильных бегуна отыскивают следы убежавших за четверть часа остальных товарищей и догоняют их. Это очень сложный бег, так как нужен изощренный глаз, чтобы разглядеть примятую траву, оставленные на земле следы.

Очень полезно состязаться в беге, держа направление на какой-нибудь видимый ориентир, например, одинокое дерево, ветряную мельницу или холм. Бывает, что со старта ориентир хорошо виден, а в лесу надо залезать на дерево и оглядываться. Можно иначе сохранить взятый курс: сообразуясь со странами света. И в этой игре выигрывает тот, кто первым прибежит к назначенному месту.

29
41
2028